

ПЕК АРА

ЯЦЕК

fan on

Я, ИНКВИЗИТОР

ЛОВЦЫ
ДУШ

Яцек Пекара Ловцы душ

Серия «Fanzon. Я инквизитор.
Премиальное темное фэнтези»
Серия «Я, инквизитор (Цикл о
Мордимере Маддердине)», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67273893
Ловцы душ / Яцек Пекара: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-154425-6

Аннотация

Вот мир, в котором Христос сошел с креста,
Не простил гонителей своих и сурово покарал их.

Мордимер Маддердин, инквизитор Его Преосвященства епископа Хез-хезрона, направлен в императорскую столицу. Он посетит замок магната, обвиняемого в совершении богохульных ритуалов, и примет участие в крестовом походе Светлейшего Господа против еретиков. Он встретит девушку с татуировкой змеи и голубки и сопроводит ее ко двору барона-вампира, который был свидетелем распятия Иисуса. И тогда Мордимеру откроется величайшая тайна христианской веры...

Продолжение цикла – четвертая книга серии «Я инквизитор» Яцека Пекары! Инквизитор Мордимер продолжает свою борьбу с ересью, черной магией и язычеством в средневековом мире.

«С каждым томом цикл становится все лучше, повести длиннее, более обширны и подробны, с более продвинутым сюжетом... Я в восторге от направления, в котором развивается история Мордимера Маддердина». – *lubimyczytac.pl*

«Отличный сюжет и великолепно изображенные и нестандартные главные герои – его главные достоинства. Пока это лучший роман для меня в этом году». – *empic.pl*

«Пекара в очередной раз дарит интересное путешествие по известному читателю миру и с любимыми героями. Мордимер, можно сказать, не стареет, а прямо как вино, становится чем старше, тем лучше». – *taniaksiazka.pl*

Содержание

Ловцы душ	5
Змей и голубка. Возвращение	82
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Яцек Пекара

Ловцы душ

Ловцы душ

Ибо между народом Моим находятся нечестивые; сторожат, как птицеловы, припадают к земле, ставят ловушки и уловляют людей.

Книга пророка Иеремии 5:26

– Снял одежды, влез на стол, насрал Светлейшему Государю на поднос с фруктами и пожелал приятного аппетита, – произнес Риттер, будто всего лишь сообщал, что вчера была чудесная погода.

Я молча уставился на него.

– Вы пьяны, – решил наконец.

– В-верно. – Риттер поднялся с лавки, с трудом сохраняя равновесие. – Признаюсь искренне – пьян! Но примите во внимание: нелегко оставаться трезвым, если пьешь третий день!

– То есть вы эту историю придумали?

– Я пил, – гордо сказал Риттер. – Пью, – он ткнул в кубок. – И буду пить, – пообещал с еще большей гордостью. – Но это – святейшая правда. Помяните мое слово, завтра весь

город станет об этом судачить. Обвинят его в оскорбительном преступлении величества.

– Преступном оскорблении величества, – поправил я. – Весьма остроумно, приняв во внимание, что преступление сие имеет место, если величество решит, что оно оскорблено. Проще простого. Но в этом случае наказание и вправду...

– А я о чем! – мой товарищ рассмеялся, трясая козлиной бородкой. Осушил кубок до дна. Громко рыгнул. – У императора как раз гостили послы польского короля. Представляете?

Я и раньше немало слышал о поляках, а также о том, сколь большое значение они придают правилам этикета и иерархии во время официальных приемов. И если бы они сочли, что некто отнесся к ним снисходительно или унизил их достоинство, – могли сделаться чрезвычайно неприятными. Ибо кто, как не король Владислав, приказал четвертовать пять тысяч жителей Гданьска, которые слишком поздно уразумели, что, если не впустить в городские ворота польскую армию, она может воспринять это как неуважение? Поэтому я не думаю, что конфуз, случившийся на глазах у польских послов, повысил престиж Светлейшего Государя.

– Или император снимет его с должности и поместит под стражу, – сказал я, – или мы можем забыть о договоре.

– Канцлера? – Риттер широко распахнул глаза. – Вы же не думаете...

– И так плохо, и эдак – не слава богу, – покачал я голо-

вой. – Если император его простит, поляки посчитают, что владыка – слабый человек без чести, и вернуться к своему королю с донесением, составленным именно в таком духе. А вы ведь знаете, как мы в них нуждаемся.

– Королевство трех морей... – рыгнул Риттер.

– Да бес с ними, с теми морями. Важнее, что у поляков есть армия, которая хочешь не хочешь, а стоит на страже наших восточных границ. Но, если император велит наказать канцлера, будут проблемы с Теттельбахом, Фалькенгаузенем, Нойбахером и бог знает с кем еще... Даже домашний арест и принудительная докторская опека канцлера могут показаться им неприемлемыми.

– Я его не понимаю, – покачал головой Риттер. – И это меня сильно злит!

– Канцлера или Светлейшего Государя?

– Естественно, канцлера, – пожал он плечами, будто дивясь моей несообразительности.

– И отчего же?

Он вылил в кубок остатки вина из кувшина и с печалью заглянул в опустевший сосуд. Вздохнул. Внезапно позади кто-то раскричался, и мы, оглянувшись, увидели крупную тетку с мясистым красным лицом и встрепанными волосами. Она тащила за ухо доброго господина, напоминавшего перепуганную крыску. Собственно, женщина и надрывалась, взывая ко всем силам небесным и адовым, чтобы прибрали от нее «этого пьяницу, которого и законным супругом на-

звать-то – позор».

– С ноги ее, с ноги! – оживился на миг Риттер, но, видя вытаращенные от страха глаза мужчины, только вздохнул. Опять повернулся ко мне: – Как поэт, драматург и писатель, я обязан понимать тайны человеческой души и законы, людьми управляющие. Ведь вы и сами знаете: чтобы описать природу, сперва необходимо познать механизмы, ею управляющие. Но в этом случае с канцлером... – он покачал головой. – Здесь я совершенно бессилен.

– Как и всякий, кто окажется пред лицом безумия, – утешил его я.

– Слава богу, что я пока в силах распознать хотя бы звуки струн, движущих сердцем женщины, – сказал он невпопад и снова заглянул в кувшин, тщетно надеясь, что его содержимое чудесным образом обновилось. – Не угостите ль меня еще, господин Маддердин?

– Угощу, – вздохнул я. – Ибо что же с вами поделаешь.

Он искренне рассмеялся.

– Всегда знал, что вы добрый человек, – сказал, склоняясь ко мне. – Только с женщинами как-то у вас не складывается... – добавил.

– Такова уж моя судьба, – ответил я спокойно. – Зато радуюсь, что у вас подобного счастья – за нас двоих.

– Это верно, это правда, – подтвердил он безо всякой ложной скромности и потряс указательным пальцем. – Если б вы знали, сколь полезно быть человеком искусства, осиянным

славой и уважением...

– Это, стало быть, вы о себе? – прервал я его.

– Вот здесь вы угадали, – рассмеялся он снова, не ощутив иронии в моем голосе. – Сияние моей славы влечет женщин, словно огонек свечи – ночных бабочек. – Он снова проверил пустой кувшин. – Вы собирались заказать еще, – сказал обвиняющим тоном.

Я встал и махнул корчмарю.

– Еще раз того же самого, – приказал, а тот усмехнулся, показывая гнилые зубы.

Я же вернулся к Риттеру, который выбивал пальцами по столу нервную дробь.

– Уж как начну – перестать не в силах, – буркнул он недовольно и покачал головой. – Что ж поделывать, коли талант требует, дабы его подстегивали спасительной влагой.

– И много ль вы написали в последнее время, так вот подстегнутые? – спросил я саркастично.

– Пока мне хватает и простого полета творческой мысли, – ответил он высокомерно, глядя куда-то вверх, словно желал узреть на прогнившем, закопченном потолке корчмы музу. – Но поверьте, вскоре я соберу богатый урожай от посеянных зерен моего таланта... И тогда знайте, – снова воздел палец, – что я не забуду о вас.

– Сердечно благодарю, – пробормотал я.

– Да-да, никто не скажет, что Хайнц Риттер забывает о друзьях. Представьте, какое я обрету влияние, став импера-

торским драматургом! А сколько женщин... – задумался он, усмехаясь сам себе.

– Я-то полагал, что вам любовных приключений хватает.

– Женщин никогда не бывает много, господин Маддердин, – ответил он поучающе. – Такова уж наша мужская природа, коя требует от нас ронять семя в плодотворные лона. Ибо – вот одаряете вы своей любовью светловолосую молодку с красивой попкой и маленькими грудками, но едва ли не в тот же момент мечтаете, как бы провести сладкую минутку со зрелой брюнеточкой, ноги у которой – словно колонны греческие, а грудь – будто штормовое море.

– То есть с брызгами пены на них? – спросил я невинно.

– Ничего вы не смыслите в искусстве, – он нахмурился, поняв, что я над ним подшучиваю. – Метафоры и сравнения суть средства языка искусства, автор же отпускает поводья фантазии, чтобы у читателя либо слушателя перед глазами отчетливо предстал образ, возникший в богатом воображении творца.

Я мог подтрунивать над Риттером, однако он был прав. Наиболее прекрасна та суша, что лишь готова возникнуть перед кораблем на горизонте, а цветы лучше пахнут в саду соседа. Повздыхавши над недостатками человеческой природы, я подумал: какое счастье, что сие касается простых людей, а не слуг Господних.

Корчмарь выглянул из-за занавеса и поставил перед нами кувшин с вином.

– Может, похлебочки? – предложил радушно. – Только-только сварили: нежнейшее мяско, подливочка, соусик. А к ней могу подать свежесдобитый хлебушек... Желают ли вас?

Я взглянул на него, не отозвавшись ни единым словом, и усмешка на толстощеком лице корчмаря медленно угасла.

– Тогда не стану вам мешать, – прошептал он и исчез за занавесом.

– А я бы что-нибудь все-таки съел... – пробормотал Риттер, наливая вино в бокалы. Рука его слегка дрожала, но он не пролил ни капли.

– *Станем есть и пить, ибо завтра умрем*¹, – произнес я ироничным тоном.

– *Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем*², – поэт был настолько при памяти, что ответил мне цитатой из Писания и, радуясь, что остроумный ответ ему удался, хлопнул себя по коленям.

Я пригубил из кубка, оценивая напиток. Вино, для своей цены, было недурственным, но быстро ударяло в голову.

По крайней мере – ударяло Риттеру, поскольку мне потребовалось бы несколько больше сего напитка, чтобы изгнать мрачные мысли, в последнее время лишь изредка меня покидавшие.

– Может, споем? – предложил Риттер, хотя язык его уже

¹ 1-е Кор. 15:32.

² Матф. 6:34.

слегка заплетался. – Знаю одну провансальскую песенку...

– Нет, – сказал я решительно. – Я слишком трезв для провансальской песенки.

Риттер беспокойно заерзал на стуле – и тот опасно скрипнул.

– А может, нам стоит пройтись по городу? – огладил он козлиную бородку.

– Хайнц, ты знаешь, сколько стоит в Аквизгране³ хорошая шляха? – спросил я, поскольку догадывался, что у него на уме. – Цена их услуг – обратно пропорциональна состоянию моего кошелька, – добавил я.

Минуту он пытался переварить мои слова, кусая губу.

– Ну, мы могли б и поторговаться... – пожал он плечами. – А-а, вы в том смысле, что вообще нет денег?

– Гений, – подтвердил я в деланом восторге. – Истинный гений! Как вы это поняли?

– Вы как-то поосторожней бы с тратами, – сказал он, ткнув в меня указательным пальцем. – Со всем почтением, господин Маддердин, что-то денежки у вас не задерживаются... Вам надо бы доверить мне попечительство над общей кассой.

– Общей? Ха, не премину воспользоваться в будущем столь прекрасным советом, – сказал я кисло, поскольку Рит-

³ Римское название (Aquisgranum) Ахена – в нашей реальности города коронации франкских королей, а потом и императоров Священной Римской империи германской нации.

тер начинал действовать мне на нервы.

Ведь такая уж была это общая касса, что я в нее вкладывал, а он – вынимал. И терпел я это лишь по одной причине. Знал, что, будь у Хайнца деньги, тот не стал бы прятать их в кошелек, а пригласил бы вашего нижайшего слугу на пьянку, не забыв и о других развлечениях. Такова уж была его щедрая натура, хотя, увы, с оной не совместна была состоятельность.

Драматург снова разлил вино по кубкам. Что ж, пили мы быстро. И я чем дальше, тем больше сердился, что выпитое совершенно на меня не действует.

– А хотите, спою вам песенку о княжне Инде, которая давала всем окрестным пастухам?

– И что же она им давала? – спросил я без интереса.

– Наилучшее из того, чем обладала, – засмеялся Риттер, поперхнулся вином и долго кашлял. Я не стал хлопать его по спине. – Плохо пошло, – прохрипел он наконец и отер мокрый рот. – Ну так что? – спросил через миг уже веселее, хотя продолжал легонько покашливать. – Об Инде? Вы быстро выучитесь припеву...

– Гвозди и терние! Откуда ж у меня столько терпения?! – рявкнул я.

– Как там бишь? – Казалось, Риттер не обращал на меня внимания. – *А плоть была как снег бела, под палкой – трепетала,* – завел он козлиным голоском.

– Если это провансальская песенка, то я – польский вое-

вода, – сказал я ему.

– Ну, эта-то – моя, – пробормотал он и принялся пальцами отбивать по столу ритм, одновременно что-то бормоча себе под нос.

– Верно-верно, – фыркнул я. – Поэтому – лучше пишите драмы, – я махнул рукою. – Все равно вам не сравняться с Педро...

– Педро Златоуст? – спросил он, поднимая взгляд. – Знаете его?

– Знаю, – ответил я, поскольку некогда у прославленного барда был передо мной долг чести, который он сумел с избытком оплатить.

– Он здесь, – сказал Риттер, и прозвучало это как «он-здссс». Похоже, поэт был пьян серьезней, нежели я думал. – Делает карьеру... рифмоплета... – добавил со злой насмешкой.

– Вашими устами говорит зависть...

– Какое там, – взмахнул он рукою столь широко, что я едва успел уберечь кубок перед тем, как Риттер его опрокинул. – Знаете, что он потерял глаз?

– Да вы что! – удивился я. – Бандиты? Дуэль?

– Какое там, – повторил Риттер. – Конкуренция, не бандиты.

– Конкуренция?

– Рита. Златовласая. Это о чем-то вам говорит?

Говорило. И многое. Но пока что я не был намерен сооб-

щать это Риттеру.

– И? – спросил я.

– Выцарапала ему глаза... глаз, в смысле. Один. Ибо он написал о ней балладу, где назвал ее Ритка-Вислогрудка. И теперь все ее только так и называют, а когда приезжала выступать – смеялись ей прямо в лицо. Ах, господин Маддердин, женщины весьма чувственны относительно своих достоинств...

Я обрадовался, услышав, что у моей давней интриги оказались столь далеко идущие последствия, хотя и пожалел слегка Педро Златоуста, потерявшего глаз из-за достойной сожаления вспыльчивости Риты.

Что ж, его никто ни к чему не принуждал, а за творческую свободу порой приходится, как видно, платить немалую цену.

– За Педро, – поднял я кубок. – Чтобы ему оставшийся глаз послужил как два!

– За Педро, – подхватил Риттер, стукнув своим кубком о мой. Хорошо еще, что я слегка отодвинул руку, поскольку в противном случае он бы наверняка расплескал обе порции.

* * *

Приглашение во дворец, где пребывало польское посольство, искренне меня удивило. О моем приезде в столицу не знало даже здешнее отделение Святого Официума, хотя

правила вежества обязывали, чтобы служащий, даже прибыв не по делам, доложил старшему Инквизиториума, которым здесь бог весть с каких времен оставался Лукас Айхендорфф. Я же не выполнил даже этой формальности, поэтому не мог понять, откуда польский посол – воевода Анджей Заремба – узнал о прибытии вашего нижайшего слуги в Аквизгран. Ну и мне еще было небезынтересно, чего же он от меня хотел...

Дом, занимаемый поляками, стоял неподалеку от собора Иисуса Триумфатора, посреди большого красивого сада. Был это трехэтажный дворец с купольной башней, к дверям которого вели широкие мраморные ступени с белыми колоннами. Страже у ворот я показал письмо с печатью, и слуга тотчас провел меня в комнаты, где и ожидал посол.

Воевода оказался крупным, пузатым мужчиной с длинными седыми усищами и венчиком таких же седых волос на голове. Были у него смеющиеся голубые глаза да мясистые губы обжоры и сластолюбца. Походил он скорее на богатого блажного купца или на честного горожанина. Из того, однако, что я знал, – не был он ни блажным, ни честным. Зато был неправдоподобно богат. Польское посольство проехало по улицам нашей столицы на сорока скакунах благородных кровей, каждый из которых был подкован золотом. И поляки не обращали внимания, если кони теряли подковы. Понятно, к немалой радости черни. В образовавшейся свалке, которую устроили наши горожане, нескольких даже задавили.

– Ваша милость, – я склонился ровно настолько, чтобы поклон мой можно было счесть проявлением уважения, но не признаком покорности.

– Садитесь, ну, садитесь же, мастер инквизитор, – сказал Заремба на латыни. – Как говорится, гость в дом – Бог в дом. – Жестом он приказал слуге, чтобы тот прислужил мне с едой и вином.

Я поблагодарил, присаживаясь в кресло, обтянутое пурпурным шелком.

– Вы слышали о произошедшем во время аудиенции, которую нам дал Светлейший Император? – спросил посол, беря быка за рога.

– Кто ж не слышал, ваша милость. Весь город...

Он покивал, нанизал на двузубую вилку огромный кусок мяса, прожевал и запил вином. Слуга без слова наполнил его бокал.

– Пейте, инквизитор, а то я не люблю хлестать винцо в одиночестве.

Я послушно взял кубок, но, прежде чем выпить, осмотрел сей драгоценный сосуд. Был тот исполнен в виде бородатого Атласа, который, будто небесный свод, удерживал на мощных плечах вместилище для вина⁴. А оное, конечно, было исполнено в золоте, а на боку – выполнен был узор в виде

⁴ Атлас – также известный как Атлант, титан, который после поражения в битве с богами-олимпийцами был приговорен Зевсом к тому, чтобы держать на своих плечах небесный свод. – *Прим. ред.*

вставшего на задние лапы льва над шлемом в короне. Герб Зарембы⁵.

Я выпил. Причмокнул, поскольку вино и вправду было наилучшим.

Слуга тотчас доверху наполнил мне кубок.

– Странное происшествие, не находите?

– Соглашусь, ваша милость. Но уже древние лекари писали, что безумие нисходит на некоторых людей, как молния с чистого неба. Бывает результатом переутомления, обжорства, пьянства, жизненных трагедий... Таится, будто змея, бесшумное, невидимое, чтобы внезапно атаковать и ужалить, когда не ждешь.

– Может, и так. – Он выпил снова, запрокидывая голову. Щеки его слегка разрумянились. – Пейте же, пейте, – поторопил он меня.

Как видно, воевода был человеком, не чурающимся питейных утех, а поскольку вино из его запасов было самого высшего качества, я мог лишь радоваться, что он не имеет обыкновения экономить на гостях.

– Я слышал о вас, – сказал воевода словно бы не в тему. – Мне доносили, что вы – друг друзей. – Я почувствовал на себе испытывающий взгляд голубых глаз.

– Стараюсь помогать ближним, когда они в нужде, – от-

⁵ Реально существующий польский дворянский род, оставивший в нашей истории значительный след; многие представители рода были воеводами. – *Прим. ред.*

ветил я.

– И это правильно, – кивнул поляк. – И теперь – не можете ли мне?

Не скажу, что я не ожидал такого поворота дел, но столь быстрое подтверждение моих подозрений немало меня обеспокоило.

– Я верный слуга Светлейшего Императора, – произнес я осмотрительно.

– И это правильно, – повторил воевода. – И вашу верность никто не попытается испытывать. Всякий подданный должен хранить верность своему сюзерену, поскольку мир устроен именно так, а не иначе. За здоровье императора! – поднял он бокал. – Послушайте, инквизитор, – продолжил он, когда мы выпили тост. – Знаю, вы человек умелый в выявлении всякой мерзости, которую Сатана в злобе своей насылает на Божий народ. Именно это мне от вас и нужно.

Я понял, конечно, что он говорит о раскрытии тайн, а не о насылании мерзости, и мысленно улыбнулся. Но – только мысленно, поскольку воевода не казался человеком, который утешился бы, когда б на ошибки ему указывал некто из низшего сословия.

– Ваша милость, если у вас есть подозрения о преступлениях, связанных с чародейством либо ересью, то вам, полагаю, следовало бы официально известить Инквизиториум...

Он ударил кулаком в стол, аж звякнули тарелки и бокалы, а я замолчал на полуслове.

– Сто золотых дублонов, – заявил он. – За твое время, беспокойство и умения. И еще три сотни, коли ты найдешь нечто, за что стоило бы заплатить.

Он глянул на мой полный (снова!) до краев кубок.

– Что же это вы? Поклялись придерживаться умеренности?

– С полной уверенностью – нет, ваша милость, – ответил я. – И покорно прошу, чтобы мне позволили поднять тост за здоровье знаменитого короля Владислава.

– Позволяю. – Воевода опорожнил кубок между слогами «поз» и «воляю», да к тому же так быстро, что я почти не услышал паузы.

– Это королевский гонорар, – вернулся я к разговору, а поскольку я и вправду был удивлен размером предложенной платы, то слова мои прозвучали куда как искренне. Воевода усмехнулся. – Но я все еще не понимаю, за какие услуги я мог бы его получить.

– В последнее время в окружении твоего властителя то и дело случаются странности, инквизитор. Убийство жены, похищение инсигний, напасти самого императора, а теперь это...

– Постойте-ка...

– Не удивляйся, что ты не слышал об этом, – пожал он плечами. – И все же, поверь: канцлер – уже четвертый человек при дворе, с которым приключился странный... – он сделал паузу, – ...несчастный случай. Предыдущие трое были

отосланы в родные имения и переданы под опеку медиков, поскольку состояние их разума вызывало и, насколько мне известно, продолжает вызывать опасения... Я люблю поиграть в кости, инквизитор, – добавил он, помолчав. – Но когда у кого-то четыре раза выпадает шестерка, я чувствую желание проверить, не подложные ли они.

– Если ваша милость позволит... Кто эти три предыдущие персоны, чье поведение оказалось столь странным? И что общего с этим всем имеет смерть императрицы?

Не было ничего удивительного, что он знал куда больше моего. Лишь идиот мог полагать, что поляки не держат шпионов при императорском дворе. А Заремба был одним из наиболее доверенных советников польского короля. Наверняка рапорты агентов попадали именно к нему.

– Вы слышали, что она умерла во время родов, верно? – спросил он и рассмеялся. – Ну, пейте, пейте, а то, похоже, вы меня не догоните... Увы, похоже, что тщетно искать в вас Дионисов дух!

Обращаться к языческим верованиям у нас не слишком-то принято, но какой толк говорить об этом Зарембе? Я слышал, что во время предыдущего визита к императорскому двору, пьяный в лёжку воевода подошел к камергеру и спросил: «Скажи-ка, добрый человек, где здесь я могу выстраться?» – «Вы, господин воевода? Да везде!» – ответил камергер вежливо и согласно с истиной. Ибо Зарембе и вправду было позволено в сто раз больше, чем обычному едоку

хлеба. Потому, прикажи он мне при каждом тосте окроплять землю в честь Бахуса, я бы и тогда не стал протестовать.

– Покорнейше прошу о прощении, вельможный воевода, – сказал я, схватив кубок.

Мы снова выпили до дна, и снова слуга наполнил чашу до краев.

– А он... – я показал глазами на слугу.

– Не опасайтесь. Он нем и глух, и не из-за физического дефекта, но по собственной воле.

– Не понимаю...

– Никогда не упомянет ни словечка из тех, что будут здесь произнесены, поскольку нас единит пролитая кровь, – пояснил Заремба. – Он отдал бы за меня жизнь – как и я за него.

– Но, господин, разница вашего положения... – осмелился произнести я.

– Разница положения, – фыркнул он презрительно и взглянул на мой полный кубок. Поднял свой. – Снова желаете оскорбить меня трезвостью?

– Никогда бы не посмел!

Мы выпили.

– Для нас важны кровь и честь, – пояснил воевода. – А на поле битвы мы все равны, ибо во всех нас течет одинаковая кровь, и всякий из нас страдает так же, как и любой другой.

Воевода Заремба, похоже, был романтиком-идеалистом. А поскольку именно в этом романтическом идеализме наши натуры были сходны, то я выпил с воеводой – и снова с чрез-

вычайной искренностью.

– Только что я могу, ваша милость воевода? Скажу откровенно: я не знаю Аквизграна, а приехал сюда, воспользовавшись кратким отдыхом, что даровал мне Его Преосвященство епископ Хез-хезрона. Хуже того, у меня здесь нет информаторов, да и, можно сказать, я никого здесь не знаю. В Хезе я бы постарался вам услужить, но здесь... – я развел руками, – простите.

Он какое-то время глядел на меня из-под нахмуренных бровей, а потом усмехнулся.

– Вы честный человек, – сказал. – И я рад, что не ошибся относительно вас.

Я задумался, кто же передал поляку информацию обо мне, но спрашивать не собирался – да и не думал, что он ответит.

– Да-а, – протянул он, потирая крупный нос. – Но я все это понимаю, инквизитор, и пригласил вас не для того, чтобы вы мне вежливо отказали. Я слышал о некоем человеке, который сможет нам пригодиться. И вам он известен еще со времен обучения в Академии.

– В Академии Инквизиториума? И кто же он, буде позволено мне спросить?

– Франц Лютхофф, – пояснил воевода.

Я задумался. Не обладая гениальной памятью моего приятеля Курноса, я не мог вспомнить это имя из прошлого. Похоже, сей Франц Лютхофф не отметился в моей жизни ни

добром, ни злом – раз уж никак не остался в моей памяти.

– Не могу припомнить, – пробормотал я, но уже через миг хлопнул себя по колену, поскольку что-то вдруг забрезжило в памяти. – Хотя, погодите, он, случаем, не такой рыжий, с веснушками?

– О! – воевода воздел палец. – Теплее, теплее. Ну, выпьем же, а то вино выдохнется.

Тут любая причина хороша, потому – мы снова выпили до дна.

– Сей Лютхофф почти год назад проводил одно расследование, протоколы которого были уничтожены. А я, инквизитор, хотел бы знать, что там, в тех протоколах, было написано.

Уничтожение документов было преступлением. Такого в Инквизиториуме не практиковали, и о таких случаях мне слышать не доводилось. Конечно, некоторые расследования оставались тайными, а обвиняемые передавались высшим инстанциям вместе со всеми бумагами, что касались их судьбы. Я и сказал об этом Зарембе.

– Знаю, – кивнул он. – Однако у меня есть причина полагать, что в этом случае поступили несколько иначе, нарушив закон, коим вы руководствуетесь.

– Осмелюсь спросить, ваша милость воевода, отчего бы вам не обратиться к самому Лютхоффу?

– Лютхофф вот уже несколько месяцев лежит в лазарете аквизгранского Инквизиториума. И, полагаю, протянет он

недолго. Вы же можете к нему попасть, если попросите принять вас здешних инквизиторов.

Конечно же, я мог так поступить. По крайней мере, получил бы тогда дармовой ночлег и пищу, что при моем финансовом положении было вполне разумным. И конечно, я мог заболеть, попасть в лазарет и там по душам поговорить с Лютхоффом – как один страждущий человек с другим страждущим человеком.

– А не соблаговолит ли ваша милость воевода открыть мне, о чем – хотя бы в общих чертах – шла речь на следствии? Или хотя бы – кого допрашивали?

– Съешьте-ка что-нибудь, инквизитор, а то, глядишь, сопьетесь... – Заремба положил в мою тарелку немаленький кусок жаркого, и жест этот наверняка должен был свидетельствовать о его добрых намерениях.

Тарелки были серебряными. Внутри же их был выгравирован герб Зарембы, а обод – покрыт сценами из Крестного Пути.

– Нижайше благодарю вашу милость.

Я попробовал – и словно вкусил мечту. Жаркое было превосходно. Хрустящее, душистое, отлично приправленное. А соус? Чтобы описать вкус этого соуса, следовало бы оказаться поэтом!

– Ваш повар, ваша милость воевода... – я даже не договорил. – У меня и слов нет, чтобы описать его талант.

Полагаю, он поверил, что я не лъщу, поскольку я и сам

услыхал в собственном голосе искреннее восхищение. Воевода и сам попробовал жаркое.

– Неплохо, неплохо, – причмокнул он. – Уж такой я есть, – добавил без ложной скромности. – Ни в одной стране нет столь доблестных рыцарей, столь пышных женщин и столь прекрасных поваров. Но к делу... Допрашивали они некоего чародея, – пояснил он, возвращаясь к моему вопросу. – Известного под именем доктора Магнуса из Падуи.

– Никогда не слышал, – ответил я, проглотив жаркое. – Но среди этой босоты всякий второй велит называть себя Магнусом⁶.

Он покивал, соглашаясь.

– Этот долгие годы был монахом, потом сбежал из монастыря и бродил по всей Европе. Знаю, что на него даже выписывали розыскные листы, поскольку подозревали в делах, противоречащих нашей святой вере. Но ему удалось избежать как петли, так и вашей опеки, – подмигнул он мне. – Потом он на несколько лет исчез. А затем вдруг объявился в Аквизгране, где ваш удачливый коллега случайно схватил его и арестовал.

– И что случилось потом? – позволил я себе спросить, поскольку Заремба замолчал и отчетливо ожидал от меня этого вопроса.

⁶ В нашей реальности был как минимум один повсеместно известный Магнус из Падуи: наставник Фомы Аквинского Альберт Великий (т.е., собственно, Magnus на латыни), кроме прочего – прославленный астролог и алхимик.

– Его допрашивали. Пытали. И он умер.

Я присвистнул. Смерть подозреваемого во время следствия – поразительный непрофессионализм. Правда, такое как-то произошло и со мною, однако я осмеливался полагать, что случилось так не по моей вине, поскольку я и дотронуться не успел до обвиняемого – а тот уже выкатил глаза, побагровел и помер. А я только и успел, что пояснить ему принципы действия пилы для костей, поскольку показ орудий был обычным началом любого квалифицированного допроса.

– Бумаги уничтожили, – добавил Заремба, но это-то я уже слышал.

– Со всем уважением, ваша милость воевода, но мне придется отказаться, – сказал я с искренним сожалением, поскольку сто золотых дублонов крепко бы мнегодились.

Заремба взглянул на меня без злости – просто с удивлением. Похоже, ему редко приходилось слышать отказы.

– И снова у вас полный кубок, – произнес он обвиняющим тоном. – Бойтесь, что я подсыпал вам яд? А может, вино вам не по вкусу?

– Оно прекрасно, ваша милость, насколько может сие оценить человек со вкусом столь убогим, как мой, – ответил я ему, и мы снова выпили до дна. Слуга почти тотчас долил в кубок.

– Отчего же вы хотите отказать мне в услуге? – Заремба взглянул на меня с интересом.

– Содержание допросов, проводимых Святым Официумом, может быть раскрыто лишь по специальному согласию главы местного отделения Инквизиториума. По некоторым же делам требуется прямой приказ Его Преосвященства. Я не могу нарушить закон, который поклялся выполнять, – пояснил я ему.

Заремба пристально глядел на меня, постукивая перстнями о край стола.

– Давайте заключим договор, – сказал наконец. – Вы узнаете о деле и потом сами решите, хотите ли поделиться со мной найденной информацией. Сто дублонов будут вашими в любом случае.

Заремба, похоже, был не только щедрым человеком. Был он еще и человеком, пробуждавшим симпатию и уважение. Более всего пришлось мне по вкусу, что он не намеревался подкупать мою совесть и склонять взяткой к нарушению предписаний Официума. Но решение его означало и еще кое-что: воеводе нужно не столько разузнать, в чем, собственно, суть дела, сколько добиться, чтобы оно оказалось решено. Конечно, если это дело вообще существовало.

И я не сомневался, что сам я – лишь один из инструментов, к которым он намеревался прибегнуть. Наверняка он использовал и своих агентов при императорском дворе, пусть даже те до сего дня ничего не сумели добиться.

– Это более чем щедрое предложение, – признался я. – Сделаю все, что в моих силах, ваша милость.

Воевода кивнул, словно ничего другого от меня и не ожидая.

– Но могу ли я задать несколько вопросов?

– Спрашивайте.

– Откуда ваша милость знает об уничтожении протоколов? Кто осмелился отдать подобный приказ? Что установило расследование? И наконец – кто присутствовал с Лютхоффом во время допросов? Поскольку должны были находиться там как минимум писарь и палач.

– Оба мертвы. Писарь попал под телегу, палач погиб в драке за городом. Злая фортуна, верно, инквизитор?

– А Лютхофф умирает в лазарете... И вправду весьма злая фортуна, ваша милость.

– Я не знаю, кто дал приказ уничтожить документы. А на ваш взгляд, кто мог это сделать?

– Никто, ваша милость воевода! Даже канцелярия епископа не имеет на это права. Кто-то должен был нарушить правила. Но за такое сурово карают.

– Кто мог потребовать от инквизиторов выдачи документов?

– Папа или епископ. Более никто.

– Но мы оба знаем, что есть и еще некто, – он словно подчеркнул два последних слова. – Но говорить об этом мы не станем, ибо, насколько я знаю, дело не в монастыре Амшилас, и не во Внутреннем Круге.

– Каком круге? – я широко раскрыл глаза, надеясь, что

мое удивление сойдет за искреннее: я не намеревался обсуждать с послом чужой державы столь тонкие вопросы.

– Документы затребовали посланники папы. Оригиналы и копии, – Заремба усмехнулся в усы, игнорируя мой вопрос.

– А знает ли ваша милость, кто был тем посланником?

– Брат альмосунартий Маурицио Сфорца.

– Кто?!

– Вы знаете этого человека?

Конечно же, я знал. И был рад узнать, что не обо всем в моей жизни известно польскому аристократу.

– Да, – кивнул я. – Осмелился бы сказать, что он – исключительная каналья, вот только боюсь ранить ваш слух подобными словами, ваша милость воевода.

– Слышал я слова и похуже, – Заремба снова усмехнулся.

– Он все еще парализован?

– А как же. Двое людей носят его в специально приспособленном кресле. И – может, знаете, что означают литеры «ГЛ», вырезанные на его щеках?

– Происходят от имени Гаспара Лувайна, именуемого Веселым Палачом из Тианнона. Веселый Палач украсил его так однажды ночью, после чего погиб, – пояснил я.

– Вы много об этом знаете...

– Я был тогда в Штольпене и вместе со Сфорцей проводил некое расследование. Он хотел отдать меня под папский суд. Заремба протяжно присвистнул.

– Так между вами и братом-милостынником – отнюдь не

любовь, а? А вы знали, что он здесь? В Аквизгроне?

Я не знал, и информация эта не улучшила мое настроение.

– Он нынче важная птица, – добавил воевода, что еще меньше пришлось мне по вкусу. Подумать только, я ведь однажды мог совершенно безнаказанно убить Сфорцу! И теперь жалел о своей кротости. – Однако вернемся к интересующим нас вещам, вот только сперва давайте выпьем, поскольку язык мой иссох, – на этот раз Заремба сам разлил вино в кубки, ибо слуга уже некоторое время как исчез за дверью. – Так, о чем это мы... – начал он, опрокинув напиток в глотку.

– Чего касалось следствие? – напомнил я ему.

– Черной магии. Насколько знаю.

Наверняка он знал куда больше, чем готов был сказать. Но не было никакого смысла напирать, поскольку Заремба не казался человеком, которого можно заставить сказать больше, чем он сам захочет.

– И еще одно, ваша милость: кто те три человека из окружения императора, которые, по-вашему, вели себя столь же странно, как и господин канцлер?

– Вам это ничего не даст, – пожал он плечами. – Их отослали в родовые имения, и, насколько я знаю, они живут там, укрытые от мира. Йоахим Ключе, императорский чашник, Зигфрид Хильдебрандт, медик, а также Геден Тахтенберг, конюший.

Эти имена ничего мне не говорили, но, тем не менее, я

их запомнил. Нужно признать, что до сей поры безумие поражало людей, не занимавших важные посты, хотя, конечно же, слова «чашник» или «конюший» не следовало понимать дословно, поскольку, чтобы пребывать на таком посту, нужно было обладать хорошей родословной и важными знакомствами.

– Медик, – сказал я. – Скажите, не он ли, собственно, поверял смерть Светлейшей Государыни?

– Подробностей не знаю, – ответил Заремба. – Кроме того, что именно этот медик сумел выпинать плод из ее чрева, прежде чем кто-либо успел его задержать.

Я смотрел на него так, словно воевода только что признался, будто сам он – прекрасная дама с неумемными желаниями. В нашем мире, в мире неожиданных происшествий и удивительнейших поворотов судьбы, редко случается что-то, способное удивить инквизитора Его Преосвященства. Но на этот раз слово «удивление» не передавало даже толики моих чувств.

– Ваша милость, наверное...

– Нет, я не шучу и не издеваюсь, – развеял он мои сомнения. – Не думаю, чтобы смерть была хорошим поводом для шутки, – Заремба перекрестился. – Да ниспошлет Господь вечное успокоение этой несчастной женщине и ее ребенку.

Я тоже перекрестился.

– Его не покарали, не судили...

– Безумца? Который бормотал что-то невразумительное и

истекал пеной, как бешеный пес?

Значит, Зарембе были известны подробности этой интереснейшей истории.

– Все скрыли. И сделали совершенно правильно. Я бы и сам поступил именно так.

Внезапно я понял, насколько велика власть этого человека. Польша была огромной страной; пусть даже в основном поросшей непролазными чащобами – но огромной. А сей человек, может, и не правил Польшей, но в управлении ее принимал немалое участие. Я же нынче имел счастье сидеть с ним за одним столом. С сеньором, который одним движением руки решал судьбы городов, людей и целых стран. Я верил, что он скрыл бы подобный скандал и, не раздумывая, устранил его свидетелей.

Также мне приходилось признать и то, что я не рад оказаться одним из поверенных в эту тайну. Зарембе не требовалось предупреждать меня, чтобы я никому ничего не рассказывал об этом деле. Поступи я иначе – и повел бы себя как последний дурак.

– А попытка убийства Светлейшего Государя, ваша милость?

– Тахтенберг. Вилами. В конюшне. Представляете?

Я представлял, пусть и с трудом. Я понял бы, когда бы дворянин пытался убить императора кинжалом, мечом, в худшем случае – с помощью яда. Но вилами? Словно простец?

– В такое верится с трудом... – только и вымолвил я.

– Верно, с трудом. Однако вы сами сказали, что безумие нисходит на некоторых людей, будто гром среди ясного неба.

– Но – вилами?!

– Слава богу, он не попал, – сказал Заремба.

– Были ли свидетели этих происшествий, ваша милость?

– Были. И это – прекрасное слово. Были. Нет-нет, – он заметил мой взгляд и взмахнул рукою. – Их не убили, если вы это имеете в виду. Второго лекаря отослали с посольством в Абиссинию, а конюшого посадили в тюрьму.

– С посольством Марка Кесслинга? – спросил я. – Как по мне, лучше бы убили.

Воевода рассмеялся.

– Из ваших слов я делаю вывод, что вы не верите, будто Кесслинг когда-либо вернется.

Он был прав. Марк Кесслинг отправился в путь, чтобы через Египет попасть в Абиссинию и проверить, верны ли слухи о могучем христианском короле, который якобы владеет теми землями. Мне думалось, что шансов вернуться у него не больше, чем у мухи, посланной испытать крепость паучей сети.

– Но ведь экспедиция, которую отправили в Китай, вернулась, – сказал Заремба. – Хотя у них на это ушло три года. Из того, что знаю: в Кракове как раз печатают описание путешествия. Весьма занимательное чтение. Прикажу выслать вам экземпляр, инквизитор.

– Покорнейше благодарю вашу милость. Буду весьма бла-

годарен, – сказал я искренне и с полным убеждением, поскольку это было первое издание непосредственных свидетелей, я же был снедаем любопытством, что же они обнаружили там, в Китае.

– Поэтому, может, Кесслинг еще и вернется. Так выпьем же за него, – мы подняли кубки, а Заремба встряхнулся, как мокрый пес, и усмехнулся. – Уже чувствую славный гул в голове, – произнес удовлетворенно. – Но к делу, к делу. Хотите знать что-либо еще?

Вино воеводы было крепким и сильным. Ударяло в голову, и, скажу честно, я чувствовал уже кое-что большее, чем невинный гул. Правда, Господь благословил меня сильной сопротивляемостью к последствиям опьянения, но я надеялся, что Зарембу ожидают более значимые дела государственной важности и что он не собирается продолжать наш разговор до того момента, когда его или меня придется выносить из комнаты.

– Услышанного мною пока что хватит, ваша милость. Безотлагательно возьмусь за дело.

– Хорошо, – кивнул он. – Мне нравится ваше настроение. Ну, тогда ступайте...

Я встал, стараясь держаться прямо.

– Еще одно, – сказал он, когда я кланялся в дверях. – Я готовлю прием. В субботу, через неделю. Будете желанным гостем.

При мыслях о деликатесах, которые приготовит польский

повар, у меня потекли слюнки. Однако я знал, что мне не стоит появляться во дворце Зарембы.

– Простите меня, ваша милость, но я не думаю, что присутствие инквизитора...

– Польский воевода может приглашать, кого захочет. И никому до этого нет никакого дела, – оборвал он меня сердито. – А коли кому-то не понравятся мои гости, то – прочь со двора!

Мне не оставалось ничего иного, как поклониться еще раз и искренне поблагодарить за милость, воспользоваться которой я не имел никакого намерения.

* * *

Резиденция Инквизиториума в Аквизгране была настоящей крепостью. Но вовсе не потому, что инквизиторы ожидали внезапного нападения. Вид ее должен был свидетельствовать о мощи Святого Официума. А необходимость такая оставалась, поскольку именно в Аквизгране короновали императоров, посему же именно здесь находился один из дворцов Светлейшего Государя, сюда съезжались электоры⁷ и дворяне со всей империи, и здесь принимали заграничные посольства; кроме того, город был славен целительными горячими источниками. Вдобавок ко всему Аквизгран был го-

⁷ Электоры – в нашей реальности курфюрсты, призывавшиеся для подачи голоса при выборе германского императора.

родом соборов, церквей и монастырей, так что и Святому Официуму приходилось стараться, чтобы здешняя его резиденция потрясала. Возведенную из красного кирпича крепость окружали мощные, в пятнадцать стоп высоты, стены, ощетинившиеся дозорными башнями. Главные здания были выстроены в форме прямоугольника, окружавшего немалое подворье. Однако я знал, что эта мощь – лишь видимость, на самом деле зияющая пустотой. Не было смысла держать здесь десятки солдат, необходимых для патрулирования стен, как и сотни слуг – поскольку в аквизгранском отделении Инквизиториума служило хорошо если с тридцать инквизиторов. А считая гостей Официума, стражников и слуг, наверняка число их не превышало сотни. Тем временем, поглядывая на эту крепость, я был уверен, что в случае необходимости она вместит и тысячу людей. А еще внутри ее не было столь привычных для прочих замков мастерских. Находились тут лишь конюшни да пекарня, служившая потребностям жителей.

Ворота стояли распахнутыми настежь, у стены – двое стражников с алебардами в руках. На обоих были кольчуги, на плечах же – черные плащи с серебряным символом сломанного распятия. Оба были высокими, плечистыми, боролатыми и хмурыми. Вид их не способствовал тому, чтобы кто-то просил у них возможности войти в Инквизиториум. Я подошел ближе, отметив, как пристально уставились на меня стражники.

– Я – Мордимер Маддердин, лицензированный инквизитор Его Преосвященства епископа Хез-хезрона. Хотел бы получить право на вход.

– Приветствуем вас, мастер, – отозвался басом один из стражников. – Это великая честь для нас. Однако, согласно данному мне приказу, я должен просить вас показать бумаги.

Ну что ж, попытки выдать себя за инквизитора карались со всей возможной суровостью, но я знал, что порой встречаются безумцы, которые по глупости, из жажды наживы либо ради хвастовства притворялись функционерами Святого Официума. Но выдавать себя за инквизитора здесь, под стенами аквизгранской резиденции Инквизиториума, было бы несусветным безумием. Однако я понимал, что приказ есть приказ, поэтому вынул из-за пазухи епископские бумаги, гласившие, что все отделения Инквизиториума обязаны оказывать любую помощь Мордимеру Маддердину, лицензированному инквизитору из Хез-хезрона. Стражник взглянул на документ, внимательно осмотрел печати, после чего отошел в сторону.

– Можете войти, мастер. Приветствуем вас от всего сердца. Будьте любезны обождать минуту, пока я вызову кого-нибудь, кто вас проводит. – Он глянул на замковые постройки. – Здесь даже наши постоянные гости частенько теряются.

Вот в это я поверил.

Лукас Айхендорфф выглядел как брат-близнец стражников у ворот. Нет, поправил я себя мысленно, это они выглядели его братьями-близнецами, поскольку подражать главному здесь, похоже, было модным. Так или иначе, руководитель аквизгранского Инквизиториума был высоким, плечистым и чернобородым. Фигурой, одеждой и манерами он напоминал скорее опытного солдата, чем инквизитора. Я прежде его не встречал, но, конечно, немало о нем слышал, поскольку Айхендорфф держался на этом месте уже более десяти лет. Из того, что я знал, следовало, что обучался он в академии еще до того, как в ней появился я, а ошеломительной карьерой был обязан своему характеру, беззаветной преданности и умению отыскивать верных сторонников. А три эти черты редко можно найти в одном человеке.

Айхендорфф де-факто был вторым человеком в Инквизиториуме, сразу после Его Преосвященства епископа Хез-хезрона. Но должности эти разделяла пропасть, к тому же Лукас мог быть отозван Герсардом одним-единственным письмом. Однако я знал, что епископ слишком умен, чтобы избавляться от столь ценного сторонника, а во время приступов подагры, язвы, геморроя либо кожной сыпи он всегда мог оттянуться на своих присных либо инквизиторах Хез-хезрона и не нуждался в жертвах из самого Аквизгранна.

– Любезный мастер Маддердин, – Лукас раскинул руки. – Сердечно приветствую в столице!

Этот теплый прием меня удивил, но и тронул. Даже если Айхендорфф всего лишь играл, я оценил по достоинству, что он решил изобразить для меня именно такие чувства.

– Я слышан о твоих подвигах, Мордимер, – сказал он, знаком приглашая меня сесть. – И кстати, о том, что ты для всех нас сделал в Виттингене. Никогда не думал о том, чтобы перебраться в Аквизгран? Могу поручиться, что здесь ты не столкнешься со сменами настроений, какие случаются у Его Преосвященства, – рассмеялся он.

– Храни его Господь, – закончил я, довольный, что Айхендорффу известно не только мое имя, но и мои поступки. Что ж, всякий из нас, желает он того или нет, обладает грешным тщеславием – и даже ваш нижайший слуга, который считается человеком скромным и покорным.

– Верно. Пока Герсард здоров, здоровы и мы. Но все же подумай над моим предложением.

– Там я ощущаю себя на своем месте, Лукас, – ответил я. – Но я чрезвычайно тебе благодарен. Однако боюсь, что попросить о переводе – простейший способ добиться от Его Преосвященства запрета вообще покидать Хез-хезрон.

– И как вы выдерживаете? – махнул он рукой. – Последний раз я видел старика года три назад, и мне хватило часа. Ужасный ворчун. А злословен, будто козел...

Что ж, для лица, подвластного епископу, это были сме-

лые слова, но раз уж Айхендорфф решился говорить именно так, значит, полагал, что может себе это позволить. Как видно, вдобавок он считал, что знает меня достаточно, дабы не сомневаться: я не передам Герсарду содержание нашего разговора. Более того: попробуй я так поступить, навредил бы себе самому, поскольку добавил бы Его Преосвященству проблем. А епископ, столкнувшись с проблемами, наверняка постарался бы сделать жизнь бедного Мордимера совершенно невыносимой.

– Что тебя привело к нам, Мордимер? Чем я могу тебе помочь?

– Я хотел бы, если позволишь, воспользоваться гостеприимством аквизгранского Инквизиториума.

– И только-то? Ешь, пей, живи где захочешь... – он снова махнул рукою. – Ты здесь по службе?

– Боже упаси, – ответил я искренне, поскольку приехать в Аквизгран меня уговорил Риттер, и еще утром я не знал, что стану заниматься каким-либо поручением; да и просьба польского воеводы касалась дел Инквизиториума лишь опосредованно.

– Велю приготовить тебе комнату, – сказал он. – Молитва у нас – на заутрене, едим сразу после.

Таковы были неудобства, связанные с пребыванием в резиденциях Инквизиториума. Молитва на заутрене. Боже мой, на заутрене следует спать, а не стоять коленапреклоненными на холодном полу! Да и завтрак гораздо вкуснее

под утренним солнышком. Но приходилось прилаживаться к привычкам и образу жизни хозяев, если я не хотел слишком быстро стать нежеланным гостем. Конечно, никто не выгнал бы меня, но мне дали бы понять, что я не соответствую ожиданиям хозяев.

– Покорнейше благодарю, Лукас.

– Ты прибыл в Аквизгран один?

– Нет. Вместе со мной путешествовал драматург Хайнц Риттер, если это имя что-то тебе говорит.

– Говорит-говорит, – рассмеялся он, будто вспомнив нечто веселое. – У нас ставили «Веселых кумушек из Хеза». Весьма забавно... Можешь пригласить и его, если хочешь. Будет обитать в крыле, предназначенном для гостей Официума.

– Покорнейше благодарю, – повторил я. – Хотя и не знаю, не презрит ли столь знаменитый человек нашу скромную жизнь.

– Ох уж эти писатели, – фыркнул он. – Только девки и вино в головах.

– Не всякий может, подобно нам, отыскать успокоение в молитвенной созерцательности, – признал я.

– Пойдем, отобедаешь с нами, – пригласил меня Айхендорфф. – Недавно мы выбрали повара со двора канцлера. И уж поверь: то, что он создает, – истинная поэзия, Мордимер.

– Канцлера, – повторил я со значением.

Он быстро на меня глянул.

– Знаешь, да? – спросил. – Конечно, знаешь. Все знают. Жаль, что меня там не было. – Он весело ударил себя по ляжкам.

– И все же это мрачная новость для Империи.

– Умным он никогда не был, – пожал плечами Айхендорфф. – Однако я не ожидал, что он безумен. Точь-в-точь как этот наш альмосунартий...

– Маурицио Сфорца, – сказал я спокойно и сдержанно, поскольку догадался, о ком речь.

– Ох, что ж за проклятая каналья! – в голосе Айхендорффа чувствовалась искренняя ненависть. – Приехал сюда как посланник папских альмосунартиев.

– Достал вас, а? – спросил я сочувствующе. – Я что-то об этом слышал...

– Штольпен, – усмехнулся он. – Знаю-знаю. Тому Веселому Палачу, что так вот разукрасил брата Маурицио, я бы лично с радостью руку пожал. Но я слышал, что Сфорца хотел отправить тебя в Рим? Это правда?

– Правда, – кивнул я. – Я бы наверняка до сих пор сидел в камере Замка Ангелов. Но осмелюсь спросить: отчего ты полагаешь, что он безумен?

– Хм-м... – Айхендорфф сплел пальцы. – Я неверно выразился. Сфорца – не безумен, но охвачен идеей, которую воспринимает как свою миссию, что в нашем случае чрезвычайно близко к безумию. Однако даже при таком положении дел

мы полагаем его весьма опасным человеком. Не становись у него на пути, Мордимер: здесь, в Аквизгране, у него сильная позиция и хватает сторонников. Удивительно, как он сумел этого достигнуть, учитывая свое отвратительное физическое самочувствие.

Мне было жаль слышать эти слова: я снова огорчился, что осмелился лишь на малую шалость, а не на убийство брата-милостынника. Ведь за паралич, который обездвижил его ниже пояса, и за вырезанные на щеках буквы ему следовало благодарить не кого иного, как вашего нижайшего слугу. Конечно, сам он о том не знал, подозревая Веселого Палача из Тианнона, которым я благоразумно притворился. Была это моя сладкая тайна, и я не намеревался ею ни с кем делиться, особенно принимая во внимание, что Сфорца, похоже, сделался человеком еще более опасным и влиятельным, чем прежде.

– И какова же эта миссия? И какова идея?

– Ослабить нас, а может, даже заменить...

– Монахами? Священниками? – фыркнул я. – Они не найдут и коровью лепешку – даже если в нее вступят.

– Верно. Так и бывает, когда нашим делом начинают заниматься партачи. И чем дальше, тем оно хуже, Мордимер. В Аквизгране уже из-за этого быдла и шагу не ступишь. Всюду суют свои грязные носы.

– А что ж тогда говорить инквизиторам из Рима? Радуйся, что мы там не работаем.

– Римская инквизиция – мне жаль это признавать – уже почти не существует. Паписты подчинили себе почти всех наших товарищей, а тех, кого подчинить не сумели, – изгнали из города в провинцию. Худо, Мордимер. И чем ближе к Риму – тем хуже.

– Мы едва сохраняем статус-кво, – сказал я. – И постоянно в этой битве проигрываем, несмотря на крупные и малые зрелищные победы, которые совершенно ничего не значат для дела в целом.

Он глядел на меня, словно пытаюсь решить, может ли быть искренним или я всего лишь пытаюсь его разговорить.

– Святая правда, – ответил наконец. – Но скажи: а что нам остается? Обгрызают нас, как волки труп оленя. Кусок за куском, кость за костью... Мелкие уступки, легкие нарушения закона, туманные интерпретации, письма, иски, воззвания, жалобы...

– Не меч, но перо владеет миром, – пошутил я.

– Верно, – согласился он. – Но спасет нас жар истинной веры, который пылает в наших сердцах.

Я вздрогнул. Но только внутренне. Не дал понять, что слова о «жаре истинной веры» и о спасении, что грядет благодаря ему, мне знакомы – благодаря тому, что я слышал их ранее из уст членов Внутреннего Круга Инквизиториума, от людей, о существовании которых даже слышать было запретно. Я же не только слышал о них, но и сохранил благодаря им жизнь. Был их должником. Но я не думал, что Айхен-

дорфф принадлежит к этим людям. Хотя, возможно, он и служил им. Точно так же, как и я служил им – людям, намерений которых я не понимал, но которые были словно прекрасные цветы, пытающиеся пробиться на заглушенных терниями полях⁸.

– Будет худо, – подвел итог Айхендорфф. – Но мы ведь об этом знаем, верно?

– И насколько, как думаешь, будет худо?

– Святой Отец создаст новую институцию, которая станет конкурировать с нами, – ответил он. – Я слышал также о планах устава, гласящего, что всякий епископ сможет призывать священников своей епархии, чтобы те получили согласно его приказу полномочия инквизиторов. И тогда благородная миссия поимки чародеев и еретиков будет утеряна в спорах о компетенции.

Споры о компетенции были не столь уж страшны сами по себе, хотя, несомненно, заставляли нервничать. Хуже, что случись так, как пророчил Айхендорфф, – позиции инквизиторов сильно ослабнут, мы станем открыты ударам, наносимым отовсюду. Словно нам мало проблем с чернокнижниками, ведьмами и еретиками.

– Станем молиться, чтобы такого не произошло, – сказал я серьезно.

– Станем молиться, ибо ничего иного нам не остается, –

⁸ Ср. Матф. 13:4: «...другие упали среди терний, и тернии, поднявшись, заглушили их».

с горечью согласился он со мной. – Нам не хватает людей, Мордимер. Не таких, как ты или я, – людей действия; нам не хватает юристов, докторов права, теологов. Рим засыпал нас письмами, жалобами, интерпретациями установлений, экспертизами, а мы порой не можем даже оспорить их, поскольку не до конца понимаем, о чем речь... Да и епископ... – он лишь махнул рукой. – Что ни пошлешь в канцелярию – буд-то камень в воду...

Это верно, у Его Преосвященства оставалось все меньше времени и желания на инквизиторов. Управление богатыми имениями, как и споры внутри Церкви, все больше отвлекали его внимание. Управление Инквизиториумом оставалось лишь одной из многих его обязанностей, к исполнению которой, как я мог судить, епископа тянуло все меньше. Делу не помогало и то, что он постоянно болел и крепко пил. Оттого я вздохнул и решил сменить тему разговора.

– У меня есть просьба, Лукас, и буду весьма благодарен, если ты ее выслушаешь.

– Да?

– Не слишком ли хлопотно напроситься взглянуть на личные дела Инквизиториума?

– Если не ошибаюсь, ты утверждал, что здесь – не по службе, – тон голоса его не изменился ни на йоту.

– И это святая правда, – ответил я. – Но кое-кто в Аквиз-гране попросил меня об услуге. И изучение дел весьма помогло бы в ее исполнении.

– На чьи же дела ты хочешь взглянуть?

Я знал, что этот вопрос раньше или позже прозвучит. Но все еще не мог определиться, как на него ответить. А поскольку молчание затягивалось, то я принял решение.

– Если считаешь это необходимым условием, чтобы допустить меня к делам, я назову имена. Однако искренне признаю, что не хотел бы того делать... Могу лишь заверить, что людей этих в Аквизгране нет.

– Что ж... – задумчиво взглянул он на меня. – Не вижу причин для отказа. Я слышал, что ты – человек, достойный доверия.

– Я лояльный инквизитор, – ответил я ему. – А дело это не касается Инквизиториума напрямую. Будь иначе, я не преминул бы посвятить тебя во все подробности.

Он кивнул, принимая мои слова к сведению.

Понятное дело, я хотел взглянуть на дела, касавшиеся трех людей при дворе императора, которые столь неожиданно сошли с ума. Заремба, правда, утверждал, что сие не важно для задания, но я предпочитал прислушиваться к собственной интуиции. Я не сомневался, что дела тех людей находятся в Инквизиториуме, поскольку Святой Официум совершенно справедливо полагал, что немного есть вещей более важных, нежели знание о людях. Конечно, мы собирали информацию лишь о тех, кто обладал весом в обществе или мог заинтересовать инквизиторов. И я был уверен, что найду сведения о всех людях императорского двора. Конечно,

мне предоставили бы доступ лишь к части дел, но я не сомневался, что информация о лекаре, конюшем и чашнике не попадала под клаузулу секретности.

– После обеда попрошу провести тебя в тайную канцелярию, – сказал Айхендорфф. – Взглянешь, что да как. И сам убедишься, насколько хорошо там у нас все устроено.

Глава аквизгранского Инквизиториума был совершенно прав. Когда я добрался до канцелярии и осмотрелся, то увидел, что все документы рассортированы по алфавиту. Я нашел интересовавшие меня – и, увы, разочаровался.

Там не было ничего, что могло бы пригодиться. Ну какое мне было дело до того, что Клюзе любил развлекаться с малолетними служанками, Хильдебрандт не пил ничего, кроме травяных отваров, а Тахтенберг сердечно ненавидел своего брата, который отбил у него невесту? Бумаги же были наполнены именно такими подробностями. О том, что Клюзе на пьяную голову заявлял, будто не сыскать большего сборища негодяев и воров, чем кардинальский конклав; о том, что Хильдебрандт решительно противился вере в благо лечения пиявками; о том, что Тахтенберг как-то сказал, будто его гнедок обладает большим разумом, чем канцлер Его Императорского Величества. Однако ничто не указывало, чтобы этих троих связывало хоть что-то, кроме единственного факта: все трое были верными слугами Светлейшего Государя. Также ничто не объединяло их с канцлером, если не принимать во внимание дурного мнения, высказанного о нем Тах-

тенбергом; да и, как я знал, это было достаточно распространённое мнение.

Словом – уж не случай ли тому причиной, что со всеми троими приключилась болезнь головы? Конечно, я знал, что людям можно дать соответствующие декокты, после которых сознание их уносится на крыльях безумия, но зачем кому-то травить именно этих троих? Я знал из дел, что они были преданными слугами императора, так, может, некто просто хотел напасть на людей, близких к нашему владыке?

«Ближих» – повторил я мысленно, и меня осенила некая идея. Ведь и конюшего, и медика безумие охватило в тот миг, когда они были рядом со Светлейшим Государем (я не знал, правда, как оно было в случае с чашником). Я представил себе, как стою рядом с приятелем, в грудь которого внезапно втыкается стрела. В другой раз прогуливаюсь с другим приятелем – и тот также оказывается со стрелой в глотке. Стоит тогда задуматься: старается ли стрелок уничтожить близких мне людей – или попросту толком не умеет стрелять. Целью же его являюсь именно я...

Я вернул бумаги на место – и, хотя они не дали мне конкретных ответов, прочтение их навело меня на определенные мысли. Из опыта я знал, что не следует тотчас отбрасывать даже самые безумные гипотезы или идеи, поскольку к цели ведут не только широкие тракты и мощеные улицы. Порою место, до которого мы жаждем добраться, находится в конце едва заметной, заросшей тропки. Поиск истины ча-

сто напоминает путь в густом лесу, где выживает лишь тот, кому хватит смелости углубиться в чащу. Истина редко блестит, будто зеркало озерных вод под ясным солнцем. Чаще она скрыта в тени, среди прогнивших стволов, под покровом мха, куда доберется лишь тот, кто не побоится преклонить колени и начать копать, пусть даже занятие это сперва покажется ему глупым и бесплодным.

* * *

Несколько дней я вел образцовую жизнь инквизитора, который гостит у своих собратьев. Вставал на заутреню, возвращался к вечерней молитве, старался ничем не бросаться в глаза и не делать ничего, что могло быть воспринято как необычное или странное. На четвертый день я начал жаловаться на боли и головокружение, на пятый – потерял сознание во время богослужения, и тогда братья-инквизиторы сами заставили меня лечь в лазарет под опеку местного лекаря. Именно таким несложным способом я оказался в обществе страдальца Франца Лютхоффа.

С некоторых пор сны мои изменились. Были времена, когда я засыпал так глубоко, что утром любое воспоминание о ночных кошмарах оставляло по себе лишь слабый след в памяти. Теперь было иначе. Обычно мне снилось, что она садится рядом и кладет на мой разгоряченный лоб прохладную руку. Она всегда улыбалась, и я всегда видел в ее взгляде

де чистую, ничем не оскверненную любовь. «Мой рыцарь на белом коне», – шептала она наполовину всерьез, наполовину шуточно. Хотел бы я, чтобы сон сей не заканчивался, но он заканчивался, всегда. Я пробуждался с ужасным отвращением к жизни, которую вел наяву. К жизни, которую она никогда со мной не разделит, не узнает, как я мечтал шептать по утрам ее имя – неслышно, но так, чтобы она ощутила его по движению моих губ на ее губах. Я открывал глаза, и мне казалось, что еще миг-другой вижу перед собой ее лицо. Но потом я понимал, что это всего лишь беленый потолок лазарета.

– Нет. Никогда. Невозможно, – произнес я самому себе. – Разве сны твои, Мордимер, не смогли научить тебя трем этим словам?

Я в силах распоряжаться своей жизнью, но не мог, не могу и никогда не сумею распоряжаться своими снами. Видение, приходившее ко мне едва ли не каждую ночь, было как сон нищего о кошеле, полном золота, мечтой голодного о свежем хлебе, жаждой умирающего в пустыне о воде, которая смочит его пересохшие губы. Видения эти не несли ничего, кроме боли.

Я некогда читал, что перед умирающими в пустыне крестоносцами порой возникали обманчивые миражи голубых озер в тени пальм. Рыцари ползли туда лишь затем, чтобы погрузить ладони в горячий песок и понять: они направлялись к недоступному миру. Я же успел остановиться, гля-

дя на миражи, поскольку был достаточно мудр, чтобы отличить реальность от марева.

Я хотел позабыть ее голос, ее лицо, ее улыбку. Хотел – Бог мне свидетель! – однако сны не позволяли мне забыть.

И она писала мне. Раз в неделю, раз в десять дней. Я читал эти письма очень внимательно, но ни разу ни на одно не ответил. Знал, что когда-нибудь она перестанет писать. Надеялся, что позабудет обо мне так же, как я желал позабыть о ней. Желал? Правда ли? Да, я и впрямь жаждал, чтобы...

Рядом со мной кто-то громко и болезненно застонал.

Лютхофф сгорал в лихорадке, лицо всё в красных пятнах. Выглядел он еще хуже, чем в тот день, когда меня положили в лазарет. Однако я узнал его с первого взгляда. Мы и вправду учились в Академии Инквизиториума в одно время, и я помнил, что он был тихим, спокойным и внимательным учеником. Никому не мешал и, насколько я знал, ни с кем не подружился.

– Франц! – я взял его за горячую потную руку. – Помнишь меня?

Он повернулся, всматриваясь в меня блестящими глазами.

– Нет, – прошептал. – Кто ты?

– Мордимер Маддердин. Мы вместе учились.

– Мор... ..дин. Да-да... Ты поседел...

Что ж, это, увя, тоже было правдой. В волосах я все чаще находил серебряные нити, и в том не было ничего странно-

го, учитывая хлопоты, которым мне приходилось противостоять чуть ли не каждый день.

– Умираю, знаешь? – прошептал он снова.

– Даже не говори так, – запротестовал я. – Выкарабкаешься, приятель.

Я утешал Лютхоффа, но выглядел он и вправду скверно. Потерял фунтов тридцать, губы растрескались, грудь вздымалась в неровном дыхании. Временами вдох заканчивался с трудом сдерживаемым болезненным спазмом. Я вытер пот с его лба.

– Принести тебе воды? Горячего бульона?

Он покачал головой.

– Тянет блевать, – пожаловался плаксиво. – Что ни проглочу – сразу наружу.

Мне тотчас подумалось, что его либо отравили, либо продолжали травить. Но ведь его опекал медик Инквизиториума, да и сам Айхендорфф должен был следить за состоянием здоровья подчиненного. Если бы его хотел отравить кто-то из Инквизиториума, то, во-первых, сделал бы это быстро и действенно, а во-вторых, наверняка не подпустил бы вашего нижайшего слугу к постели больного. Я не слишком много знаю о ядах (хотя и умею различать большинство популярных разновидностей), однако, полагаю, никто не стал бы так сильно рисковать. И конечно же, сама мысль, будто Инквизиториум хотел отравить одного из своих функционеров, была абсурдной. Мы знали куда лучшие способы избавлять-

ся от паршивых овец из нашего стада.

– Вот увидишь, мы еще выпьем за твое здоровье.

Он с трудом усмехнулся.

– Отравили меня, видишь? – сказал и потерял сознание.

Я попытался привести его в чувство, однако Лютхофф на мои усилия не реагировал. Я сразу же отправился на поиски лекаря, искренне надеясь, что его вмешательство возымеет результат – поскольку очень хотел услышать, что скажет Лютхофф. Медик и вправду прибежал без проволочек, но, осмотрев Франца, сделался хмур.

– Не протянет долго, – вынес вердикт. – Я сочту истинным чудом, если он вообще придет в себя. Ему нынче получить бы опеку над духом, а не над телом.

Лекарь был искренне опечален, но мы давно знаем, что люди умеют играть самые разные роли, если только это им на руку. Однако я отчего-то и представить не мог, чтобы этот седой, достойный мужчина, к тому же – лицензированный медик Инквизиториума, травил своего пациента.

– Жаль, что мы так и не узнаем причины этой смерти, – сказал я.

– Ну, даже медицина порой не в силах помочь, – кивнул он, соглашаясь. – И поверьте: и через сто, двести лет в этом деле мало что изменится. Механизм работы человеческого тела столь сложен, что лишь Господь может им управлять. Мы же продолжаем блуждать, словно дети в тумане...

Ну и на том спасибо, что он оказался исключением сре-

ди адептов лекарского искусства: большинство его коллег обычно оставались слишком самоуверенны, а смерть пациента пытались объяснять любыми причинами, кроме собственных некомпетентности или незнания.

– Здесь я уже ничем не помогу, – отвернулся он. – Если очнется – позовите...

Я кивнул и придвинул табурет к постели Лютхоффа. Намеревался сидеть над ним сколько потребуется и узнать, чем были слова «отравили меня»: бредом смертельно больного человека, безосновательным обвинением или все же было в них зерно правды. А если зерно правды там было, Мордимер Маддердин желал его отыскать.

Наконец я заметил, что мой товарищ приходит в себя. Нужно было этим воспользоваться, поскольку я осмеливался думать, что ему осталось мало времени в сей юдоли слез.

– Франц? Франц? Кто тебя отравил, дружище?

Другом моим он не был никогда, но нас единило не только совместное обучение, но и профессия. Кроме того, он умирал, а человек на ложе смерти всегда жаждет иметь подле себя друга.

– Отравил? – повторил он, будто не совсем понимая это слово. – Пить...

Я не подал воды, опасаясь, как бы это не приблизило развязку, лишь смочил его губы. Он же взглянул на меня, и в глазах его, под блеском горячки, я заметил тень тоски за утекающей жизнью.

– Обещали, – прошептал. – Противоядие. Обещали...

Ха, неужто кто-то использовал против Лютхоффа старый способ? Сперва дали яд, а потом, чтобы удержать в покорности, поманили противоядием, угрожая, что, коли не примет его, умрет? С кем бы ни договаривался Франц, его одурачили. Мне, однако, следовало узнать, в чем же было дело и кому служил человек Святого Официума.

– Ты не можешь умереть, дружище, – сказал я ласково.

«Не можешь умереть, пока не откроешь мне все свои тайны», – добавил я мысленно.

– Священник... – прошептал он. – Приведи священника...

Я заглянул в его глаза и увидел, что они пусты и мертвы. Тело еще жило, сознание работало на остатке сил, но зрачки уже не видели окружающий мир. Я решил использовать это, одновременно испросив у Господа прощения за грех, который совершал против умирающего человека.

– Желаешь исповедоваться, дитя? – я изменил голос, придав ему более грубые нотки и надеясь, что Франц не распознает мистификацию.

– Да, да, да, – прошептал он пылко, хватая меня за руку.

Потом я слушал его исповедь. Долгую, нескладную, прерываемую приступами горячки, слезами, потерей дыхания и памяти. Умер он прежде, чем я успел дать ему отпущение грехов, что я воспринял с некоторым облегчением, поскольку благодаря этому я не впал в грех снова.

Я отошел от его постели и лег на свою. Мне было о чем подумать.

* * *

Смерть Лютхоффа не вызвала особых толков в аквизгранском Инквизиториуме, поскольку всякий тут понимал, что такой исход был вопросом нескольких дней, а то и часов. И что здесь существенен не вопрос «а вдруг?» – но лишь «когда?».

Я уже нашел все, что искал, однако не мог чудесным образом исцелиться. Инквизиторы всегда были людьми понятливыми и подозрительными, мне же их понятливость и сметливость испытывать не хотелось. К тому же, лежа в лазарете, я мог не вставать к молебнам, меня хорошо кормили и приносили книги из библиотеки. Можно было сказать, что я неплохо проводил время, если б не память о признаниях умирающего Лютхоффа. И не понимание, что именно я должен с этими признаниями делать.

Наконец я решил, что пора потихоньку выздоравливать. На третий день по смерти моего товарища я принял участие в мессе и поужинал в общей трапезной, на четвертый день лекарь сказал, что я теперь не нуждаюсь в его опеке, и я вернулся в комнату, в которой ранее поселился. На пятый день я встретился в городе с Хайнцом Риттером.

– Не хотели меня к вам пускать, – пожаловался тот, едва

меня увидев. – Мол, устав им запрещает, – и в голосе его я услышал отчетливое презрение к столь глупому уставу. – А я хотел передать вам бутылочку, чтобы было не так тоскливо.

– Может, гостей именно поэтому и не пускают к больным, – усмехнулся я.

– Значит, теперь – самое время пойти и выпить, – произнес он решительно.

– Легче, легче, я ведь едва воздвигся с одра болезни, – поумерил я его пыл. – Но у меня к вам просьба...

– Какая же?

– В Аквизгране есть заведение, где содержат безумцев. Верно?

– Верно.

– Знаете, где оно?

– Неужели вы настолько любопытны, что жаждете увидеть дом для скорбных духом? – спросил Риттер.

– Кое-кто просил меня проверить, не заперт ли там его родственник, – соврал я.

– Молитесь, чтобы нет, – фыркнул драматург. – Ибо даже если вошел он туда нормальным, наверняка таким же оттуда не выйдет.

– Хм, – только и пробормотал я.

– Некогда я видел такой дом при монастыре иоаннитов, – сказал Риттер. – И монахи, следует признать, хорошо опекали больных. Но здесь... – он махнул рукой.

– И откуда вы знаете?

– Был у меня, так сказать, случай убедиться... – он будто бы слегка смешался, но сразу же вернул себе уверенность. – Я писал драму, в которой появляется скорбный разумом, – пояснил. – И я захотел собственными глазами увидеть, как они держат себя, что говорят, понимаете: гримасы, ужимки, все...

– И? Оказались довольны?

Он вздрогнул.

– Хватит о том. Сами увидите, что да как.

– А кто содержит сей дом, если уж не монахи?

Он взглянул на меня задумчиво:

– Знаете, мне даже в голову не пришло спросить... Но если богачи строят воспитательные дома для сирот, отчего бы кому-то не строить дома для умалишенных?

– Наверняка вы правы, – ответил я.

– Ну и желания у вас в столь прекрасный день, – пожаловался Риттер, когда мы уже протискивались сквозь уличную толпу. – Нет чтобы пойти выпить, поболтать, попеть – а то и проведать милую девицу, – а вам захотелось поглядеть на безумцев.

– Бывает и так, – сказал я и мимоходом сломал палец вооришке, который пытался залезть мне за пояс.

Риттер услышал крик, обернулся, но ничего не заметил. Мы пошли дальше.

– Это в старом винном складе, – он повысил голос, перекивая толпу.

Мне это ничего не говорило, поскольку я слабо знал Ак-визгран, но решил, что поэт доведет нас куда нужно.

Наконец мы добрались до места. Было оно окружено деревянным забором, а посередине стоял деревянный же барак.

– Что-то маловат, – сказал я.

– Самое оно – в подвалах, – пояснил Риттер. – Я ведь говорил, что там был склад вина. А где держать вино, как не в подвалах?

Двери в барак были отворены. Подле, на уложенных на козлах досках, сидели двое заросших мужчин в грязных, рваных кафтанах.

– Чего вам? – спросил один недоброжелательно.

– До меня дошли слухи, что среди пациентов есть родственник моего знакомого. Я хотел бы осмотреть их камеры.

Я вытащил трехкрановую монету и кинул на стол. Мужчина весьма ловко поймал ее.

– Отчего бы и нет? – буркнул он и поднялся. – Ну, пойдете... господа, – добавил уже более миролюбиво.

Отворил дверь, что вела в темную прихожую. Я увидел идущие вниз отвесные ступени.

– Если найду у вас пациента, которого знаю, сложно ли будет его забрать? – спросил я его.

– Необходимо согласие семьи. Разве что семьи не найдется. Тогда забирайте своего приятеля или родственника, абы только помогли нам каким-никаким грошиком.

Он зазвенел ключами и принялся трудиться над тугим

замком. Двери были солидные. Деревянные, но укрепленные железными полосами.

– И много у вас таких людей? Без семьи, без друзей? Неизвестно откуда взявшихся?

Он помолчал, но не потому, что не хотел отвечать, – а, как видно, пытаясь уразуметь мои слова. И я знал, что он постарается быть полезным, поскольку полагал, что у моей серебряной монеты в кошельке есть сестричка, которая также может к нему попасть.

– Много, – ответил он наконец.

– Слышал, что альмосунартии вам частенько помогают...

– Ага, – оживился стражник. – Ото забрали как-то троих, чтобы их вылечить.

– Удалось?

– Да откуда знаю? – пожал он плечами.

Я заметил, что Риттер внимательно за мной наблюдает. Интересно, понял ли он уже, что мы пришли сюда вовсе не для того, чтобы искать родственника моего приятеля?

Мы спустились в подвал, и первое, что я почувствовал, был отвратительный смрад. А сразу после этого – услышал крики, поскольку безумцы поняли, что кто-то явился в их мир. Я шел коридором, вдоль зарешеченных каморок, а стражник услужливо присвечивал мне факелом.

Риттер был прав, когда вздрагивал от одного воспоминания об увиденном в доме умалишенных. Эти люди были словно звери. Грязные, порой нагие и израненные, воюющие,

дергающие за решетки. Какой-то мужчина бился лбом о каменный пол, другой сидел посреди каморки и, воздев лицо к потолку, безнадежно и непрерывно выл. Обнаженная женщина прижималась к металлическим прутьям и звала: «Возьми меня, возьми меня, возьми». Кто-то стоял на четвереньках и жрал из щербатой миски объедки, а увидев нас, начал ворчать, как пес: сердитым злым клекотом, что зарождался в глубине глотки.

Внезапно, когда мы проходили мимо одной из камер, к решетке припал старичок с исхудалым лицом и залепленной грязью бородой.

– Милостивый государь! – позвал он совершенно нормальным голосом. – Если позволите на одно словечко...

Я задержался.

– Я здесь по ошибке, – произнес он жалобно. – Прошу вас вытащить меня отсюда.

Я поглядел на стражника. Тот усмехнулся в усы.

– На улицах столько безбожных женщин, Роберт, – сказал. – Смеются над мужчинами, жаждут с ними прелюбодействовать, раздвигают перед ними ноги...

– Убью их всех! – голос старика настолько изменился, что я не смог бы его узнать. Теперь он был преисполнен отвращением, яростью и ненавистью. – Порежу их грешные тела, выпущу кишки, распну их живьем... – поток слов сменился клекотом.

Старик дергал за решетку, а в глазах его теперь было лишь

безумие.

– Убил несколько девок, – пояснил стражник. – Но он – двоюродный брат одного из городских советников, оттого его не казнили, а заперли здесь...

Мы добрались до конца коридора.

– Нашли, господин, кого искали?

Я покачал головой:

– Увы. Можем уходить.

Когда он затворял укрепленную железом дверь, я решил вернуться к предыдущим вопросам.

– Те альмосунартии, о которых ты говорил. Они приходят, забирают – и все?

– Нет, господин. Указывают, кто им нужен, и тогда нужно его умыть, переодеть, – а забирают вечером.

Я вынул из-за пазухи золотой дублон, одну из монет, полученных от Зарембы, и покрутил в пальцах. Золото блеснуло в свете факела, а жажда заполучить его засияла в глазах стоявшего рядом мужчины.

– Когда появятся, чтобы кого-то забрать, ты сразу же дашь мне знать, – приказал я. – И тогда получишь вторую такую же. Отправишь весточку в «Императорские Удобства» – для мастера Риттера. Понял?

– Разумеется, господин, – ощерился охранник в довольной ухмылке.

«Императорские Удобства» были гостиницей, в которой поселился Риттер, и вопреки названию не являлись заведе-

нием, предоставлявшим услуги наивысшего качества.

– Возможно, тебе пришло в голову рассказать кому-то о нашем маленьком договоре. Не делай этого. – Он даже не заметил кинжал, пока тот не уперся ему в подбрюшье. – Кроме золота, у меня найдется и железо... – и при слове «железо», я нажал чуть сильнее.

Он яростно дернулся, но взглянул в мои глаза – и ярость угасла. Ей на смену пришел страх. Был он выше меня, пошире в плечах, но я знал, что ему и в голову не придет сопротивляться.

– Ничего, ничего, ничего не скажу, господин, – зашептал он, и я понадеялся, что именно так и будет.

– Хочу знать, во что вы меня втягиваете, – недовольно зашипел Риттер, когда мы покинули заведение и вышли на улицу.

– Злость делает тебя некрасивым, Хайнц.

Он фыркнул:

– Ответите?

– Нет, – сказал я попросту. – Но если поможете мне – и вам что-нибудь перепадет.

– С вами одни проблемы, – буркнул Риттер, но потом взглянул на меня чуть более приязненно. – Когда говорите «перепадет», то о какой конкретно сумме идет речь?

Я похлопал его по плечу.

– Наверняка побольше, чем получил тот шаромыжник, – ответил я, имея в виду охранника умалишенных.

– И насколько больше?

– Не пожалеете, – пообещал я, и этого должно было ему хватить. – Только и того, что в ближайшие дни вам не следует покидать гостиницу. И пусть это вот скрасит ваше ожидание, – я вручил ему дублон. – Не подведите меня, Хайнц, – сказал серьезно. – Не пейте, не шляйтесь по девкам, не пропадайте в городе... Понимаете?

– За кого вы меня принимаете? – оскорбился он столь искренне, что, когда б я его не знал, принял бы его мину за истинную монету.

* * *

Посланник от Риттера появился на третий день после нашего визита в заведение. Передал мне всего лишь невинную весточку, гласившую, что мастер Риттер зовет меня нынче на ужин. В связи с этим я сообщил в Инквизиториум, что заночую в городе, после чего ушел. С собой у меня были кинжал, кошель с несколькими монетами (не угадаешь, когда пригодится золото, а когда – железо) да комплект отмычек.

Вести безумца по улицам города – значит привлекать к себе внимание. Поэтому я не удивился, что, во-первых, монахи прибыли, когда уже стемнело, и что, во-вторых, был у них эдакий «паланкин». Правда, в действительности – ящик, сбитый из толстых досок. Без окон и с дверкой, запертой снаружи на железный засов. Несли его двое плечистых слуг.

Именно так и могли перевезти безумца, не привлекая ничьего внимания, – связанного, с кляпом во рту. Мне же не оставалось ничего иного, как осторожно следить, куда они направлялись со своим ценным грузом. Задание было не слишком сложным, поскольку носильщики не могли двигаться быстро, я же, пользуясь ночным мраком – на небе висел лишь серпик месяца, – без труда таился в тенях.

Однако сперва следовало решить одно дельце. Уже пару дней я замечал человека, который пытался незаметно за мной следить. Он и теперь был здесь, скрывшись у ворот. Я повернул за угол, а когда услышал шаги, вышел из темноты. Ударил его в кадык. Слегка, чтобы случайно не убить, поскольку я ожидал объяснений, а от мертвеца их непросто получить.

Присел над ним и приложил острие кинжала к уголку его глаза.

– Кому служишь? – спросил.

Он не ответил. Уже совладал с болью и дыханием, а во взгляде его пока не появился истинный, настоящий страх. Конечно, он боялся, но не настолько, чтобы начать говорить. Правую руку я все время держал так, чтобы кинжал был у его глаза, левой же схватил его за мизинец. Сломал одним движением. Человек взвыл. Но он контролировал себя достаточно, чтобы не дернуть головой – ибо тогда потерял бы глаз.

– Кому служишь? – повторил я.

Ответа не дождался.

– Плохой мальчик, – кивнул я и всадил ему острие кинжала в ноздрю.

Дернул, порезав нос до самой кости. Полилась кровь.

– Кому служишь? – я был терпелив.

Когда он не отозвался, я вложил кинжал в другую ноздрю.

– Буду резать тебя на кусочки, – пообещал. – И рано или поздно ты скажешь. Но, может, лучше расскажешь все, пока – целый и здоровый?

Я спешил. Монахи, правда, еще не вышли, однако я знал, что это случится в любой момент.

Из моего закоулка я их увижу, но времени тогда останется немного.

Я дернул своего противника за плечо и голову, переворачивая, чтобы тот ткнулся лицом в уличную грязь. Выкрутил ему руку за спину. Теперь он и вправду не мог шелохнуться, поскольку при любом движении вывихнул бы сустав.

– Ты должен сказать, – прошептал я ему в самое ухо.

Воткнул кинжал ему в спину, так что острие заскрежетало о хребет. Провернул в ране. Человек завыл. Завыл отчаянно, с болью. Я знал, что даже если альмосунартии и услышат его вой – не станут волноваться. В Аквизгране, как и в Хезхезроне, ночью чего только не услышишь. Крики убиваемых или раненых людей здесь обычное дело, если тот, кому дорога жизнь, не станет проверять, что происходит в мрачных закоулках.

Я вынул острие из раны.

– Кому служишь? – я раздумывал, каков будет мой следующий шаг, если снова не услышу ответа на вопрос.

– Воеводе, – простонал мужчина.

– Ну и к чему было так упираться? – спросил я ласково. – Я ведь и сам об этом знал – просто хотел, чтобы ты выказал немного доброй воли. И что ты должен делать?

– Следить за тобой, а если кто тебя убьет – то и за ним...

– Весьма мудро, – согласился я. – Жаль только, что у воеводы плохие шпионы...

Ударил его локтем за ухо, настолько сильно, чтобы потерял сознание. И крайне вовремя, поскольку ящик с узником наконец-то сдвинулся с места. Однако информация, что лежащий на земле человек – агент Зарембы, меня порадовала. Было бы куда хуже, окажись он агентом моих врагов, а не работодателя.

* * *

Носильщики привели меня, куда нужно. К малой церквушке на границе города. Но важна была не церковь, а подвалы под ней. Я спустился туда вслед за монахами и добрался до места, которое меня интересовало больше всего.

Пришлось ли мне по дороге убивать? Конечно, поскольку я знал, что не должен оставлять след. Меня никогда не радует мысль о лишении жизни человеческого существа, но я не

чураюсь такого – пусть только это будет необходимым.

В конце концов я оказался в комнатухе с полками, заставленными толстыми томами. Из-за крепких дверей слышался вой безумца, а на лавке сидел старик в рясе и водил пальцем по книге, что лежала на столе.

– Да славится Иисус Христос, – сказал я.

– Во веки... – он поднял голову и оборвал себя. – Вы кто? – нахмурил седые брови.

Он совсем не чувствовал опасности. Был словно наивная жертва кораблекрушения, которая размышляет о том, что же там плещется под ногами и чей это треугольный плавник в волнах.

– Верный слуга Господа, – ответил я. – Покорно взыскующий истины.

– Кто вас сюда впустил? – тон его голоса сделался резче. – Братья, ко мне! – крикнул старик, глядя на дверь.

– Они не слышат, – сказал я.

– И почему же? – повернулся он ко мне.

– Видите ли, отче, человек, которому перерезали горло, становится слегка глуховат... Как жаль, что нас вылепили из столь непрочной материи, верно?

– Кто вы? Чего хотите?

– Франц Лютхофф все рассказал мне на смертном одре. По крайней мере, все, о чем знал. О волшебствах Магнуса из Падуи и о том, что сила его кое-кого заинтересовала. И что же это была за сила? Освобождать человеческие души

и перемещать их в выбранные тела! Магнус, увы, умер, но прежде сумел описать последовательность ритуала. А потом Лютхофф предал дело Официума и начал служить вам. Разве нет?

Монах глядел на меня не мигая, а на его бледном, сморщенном лице невозможно было разобрать ни единого чувства.

– Однако, – продолжал я, – или заклинание не было как следует доработано, или вы не научились его толком использовать. Отсюда и ошибки, верно? Вместо центра, стрела раз за разом попадала в край мишени... Я удивлялся, почему вы не пытались перенести душу одного из своих? Ведь что может быть лучше, чем тело императора, управляемое кем-то из вас? Лютхофф этого не раскрыл, однако у меня есть твердые подозрения. Применяя столь сильную черную магию, вы частично убиваете душу, верно?

Монах кивнул.

– Конечно, – ответил. – Безумцы были куда более подходящим материалом. А теперь открой мне, любезный сыне, зачем ты пришел и что хочешь сделать? Я поражаюсь способностью к размышлениям и достойной похвалы жадной знания, что руководит твоими действиями. Однако знай, что мы трудимся ради достижения высшего добра, суть коего ты даже вообразить не в силах...

– Ш-ш, отче, – велел я ему, прикладывая палец к губам. – Ты не знаешь обо мне одной вещи. Я – инквизитор.

Я полагал, что это его удивит, возможно, даже испугает и уж в любом случае заставит стусеваться. Тем временем монах лишь сжал губы и поднялся.

– Тогда тебе не следует здесь пребывать, – сказал. – Ты нарушил так много законов, что...

Я ударил его тыльной стороной ладони по губам, и он рухнул обратно на лавку.

– Сообщу тебе некую тайну: я здесь неофициально, – сказал я ему.

Он долго молчал.

– И что намереваешься делать? – спросил.

Я осмотрелся.

– Сожгу все это на хрен, – решил я, усмехаясь. – Вместе с тобой...

– Ты не можешь этого сделать! – крикнул он. – Это единственные экземпляры... – и замолчал.

– Ох, единственные, значит... – сказал я почти мечтательно.

* * *

Я выпался и после завтрака отправился во дворец польского посольства. Мне приказали ожидать – и так минуло с полчаса (но что это для человека, которому доводилось целыми днями просиживать в канцелярии Его Преосвященства!). После воевода провел меня в свои палаты.

– Не без удивления отмечаю вашу наблюдательность, – сказал он, едва мы шагнули за порог. – И благодарю, что не слишком ранили моего человека.

– Я счел это нелюбезным, – сказал я. – Особенно когда узнал, кому служит.

Он усмехнулся.

– Вы достигли цели?

– Да, ваша милость.

– Расскажите мне?

– Нижайше прошу прощения, но – нет, не расскажу, ваша милость.

– Так я и думал, – пробормотал Заремба. – И как понимаю, проблема решена?

– Верно, ваша милость.

– И она не появится в будущем?

– Этого я бы не решился обещать, – ответил я печально. – Но полагаю, что даже если и появится снова, то – очень не скоро.

– Не спрашиваю кто и не спрашиваю, каким образом. Но – почему именно эти люди?

Я минутку раздумывал над тем, как ответить на сей вопрос. Решил, что в этом случае могу приоткрыть завесу тайны.

– Это была ошибка, ваша милость. Целью всегда был Его Величество.

– Ах, вот оно как, – сказал воевода задумчиво. – Вот оно

как...

– Никому не нужна была смерть императора. А вот император живой, но безумный – это куда как серьезней...

– Хаос, мятежи, гражданская война... – договорил он за меня.

– И это невозможно прекратить выбором нового владыки, – усмехнулся я.

Он полез в стол и бросил на столешницу крупный кошель. Звякнуло. Попробуйте набить мошну медными монетами. Попробуйте набить серебряными. Послушайте, как они звенят, – и, клянусь, услышите, что звон их отличен от звона золота.

И уж поверьте: этот вот звенел как кошель, набитый золотом.

– Триста дублонов, – сказал поляк. – Как и договаривались. Вы прекрасно справились.

Я поднял кошель, взвесил в руке. Триста дублонов – это приятный вес, уж поверьте.

Был ли я зол на польского воеводу за то, что тот использовал меня таким образом? За его надежды на то, что некто пожелает меня убить, если его заинтересует мое расследование? И тогда шпион Зарембы выжмет все из убийцы и встанет на след?

Мог, но не больше, чем сурок злится на каменные кряжи, что те закрывают ему солнце. Заремба был политиком, слугой своего короля, своего народа и своей державы. И если он

намеревался возложить меня на алтарь этой службы, то что я мог возразить? Я прекрасно знал: окажись на его месте, поступил бы так же, не считаясь с человеческой жизнью. Ибо, если, принеся в жертву одного, можно спасти многих, именно это мы назовем ответственностью и разумным соотношением выгод и затрат. Конечно, для приносимого в жертву это выглядит не лучшим образом – разве что он, как и ваш нижайший слуга, сумеет возвыситься над столь привлекательными мыслями о собственной значимости. Я – сумел. Понимал, уважал и удивлялся Зарембе, хотя, конечно же, трудно было требовать от меня, чтобы еще его и любил. Кто ж мечтает о том, чтобы играть роль пешки на шахматной доске политики – на доске, за которой сидят циничные игроки. Но большинству из нас остается лишь эта роль. И Мордимер Маддердин, смиренный слуга Инквизиториума, не мог надеяться, что когда-нибудь все изменится.

– Кроме того, я вышлю вам сто бутылок наилучшего вина, которое, как я заметил во время последней нашей встречи, пришлось вам по вкусу, – пообещал он с улыбкой.

– Покорнейше благодарю, ваша милость, – ответил я, подумав, что, возможно, сумею его и полюбить.

Он склонился над столом и потрепал меня по щеке.

– Если тебе надоест Инквизиториум, тебе всегда будут рады у меня.

– Покорнейше благодарю, ваша милость, – повторил я, понимая, что эти слова ничего не значат.

Он глянул на меня внимательней.

– Слово шляхтича – не дым, – сказал, будто отгадав мои мысли. – Ваши обеты – легки, словно туман под порывом ветра, наши – тяжелы, как свинец.

И тогда я понял, что он говорит правду.

– Покорнейше благодарю, ваша милость, – сказал я в третий раз, но на сей раз знал, что он понял – я говорю искренне.

Однако я надеялся, что вовек не наступят такие времена, когда я пожелаю сменить службу Святому Официуму на службу польскому магнату.

Эпилог

Меня пригласили к альмосунартиям. Я же показал письмо Айхендорффу и спросил, как посоветует мне поступить.

– Трудно сказать, Мордимер, – отозвался тот наконец. – Я ведь действительно не знаю, зачем ты сюда прибыл, а также что именно и по чьему поручению делал. – Он поднял руку в знак того, чтобы я не протестовал и не прерывал его. – Но если Сфорца против тебя, значит, мы – с тобой. Быть может, этого и мало, но как по мне – достаточно, – усмехнулся. – Если ищешь моего совета, – продолжил он, – то дам его. Иди к альмосунартиям, облачившись в официальные одежды инквизитора, я же пошлю с тобой шестерых для охраны.

– Полагаешь, если отправлюсь туда один...

– Не знаю, – перебил он меня. – Зато знаю, что доставать

тебя из подземелий – штука куда более сложная, чем не допустить, чтобы ты туда попал. Пока же никто не осмеливался нападать на моих людей. И уж поверь, братья получают четкие указания, как им следует поступать, если вдруг что-то пойдет не так.

– Спасибо, Лукас, – сказал я искренне. – Весьма тебе благодарен.

– Что же нам еще делать, как не держаться один другого? – ответил он, а потом повернулся к окну. – Приближаются времена, когда станет ясно, кто друг, а кто враг. И я надеюсь, в эти времена мы окажемся по одну сторону баррикад.

– Я никогда не посмел бы в том сомневаться, – сказал я.

Лукас хорошо выбрал инквизиторов, которые должны были меня сопровождать. Все были высокими, плечистыми и бородатыми. Бог свидетель, не хотелось бы мне сражаться против этой шестерки...

У калитки я показал письмо, и альмосунартий, который стоял там на страже, явственно смешался.

– Приглашены лишь вы, мастер Маддердин, – сказал наконец. – Без товарищей...

– Таков приказ Лукаса Айхендорффа, – отозвался командир эскорта.

– Я должен... должен... – запинаясь монах. – Обождите, господа, – он повернулся и быстрым шагом направился к дому.

Вернулся через некоторое время и отворил калитку.

– Милости просим, – сказал.

Опеку над нами принял еще один монах.

– Ступайте за мной, мастера, – сказал.

Повел нас в сад, но потом остановился.

– Брат Сфорца желает поговорить с мастером Маддердином с глазу на глаз, – сказал. – Остальные останутся здесь.

– Мастер Маддердин нездоров. Провел немало дней в нашем лазарете и едва избегнул тяжелой болезни. Нам приказано не спускать с него глаз, – пояснил предводитель моей охраны без тени иронии, без тени усмешки и с искренностью купца, продающего бриллианты чистой воды.

– Брат Сфорца встретится с ним на пороге часовни, – монах показал пальцем на строение посреди сада.

– Мы подождем.

Я пошел вслед за монахом, а когда тот указал на каменную лавочку, уселся на ней. Через минуту заметил людей, что несли кресло с братом Сфорцей. Они поставили оное передо мной, а потом без слова отошли. Искалеченный альмо-сунартий долго всматривался в меня, и во взгляде его я видел как ненависть, так и, пожалуй, каплю уважения. Я ведь поставил крест на его планах, и хотя мы оба знали, что я никому ничего не докажу насчет человека, занимающего столь высокий пост, хватало уже и того, что он и его подчиненные теперь были не в силах реализовать свои гнусные планы.

– Пг'иходид фг'емя фыбог'а, – сказал он, а я решил, что со времен нашей последней встречи он стал говорить куда

внятной. – И п'чему не х'чешь пить наш'м пг'иятел'м?

– Отнюдь нет, я именно что ваш приятель, – уверил я его. – Хотя мне непросто позабыть, как вы хотели отдать меня под папский суд.

– Что пыло – пг'ошло. Остафим пг'шное.

– И чего же вы от меня ждете? Что я должен сделать?

– Путте фег'ным пг'ият'лем. Не пошалеете.

Он льстил мне. Как видно, паписты полагали, что инквизитор Мордимер Маддердин может быть полезным инструментом в их руках. А легкая похвала из уст врага стоит большего, нежели пеаны из уст друга.

Я мог поступить дипломатично. Я мог быть вежлив. Но не хотел. Поскольку прекрасно понимал, что, даже если бы перешел на их сторону, они использовали бы мои знания и умения – а после убили бы. Скажу честно: многое значили и личные чувства, что я испытывал к брату Сфорце. Не мог забыть об обиде, нанесенной Родриго Эстебану ля Гуардия-и-Торрес, мужественному рыцарю из Гранады. Брат-милостынный унизил его так, как не следует ни одному человеку поступать с другим.

– Я скорее подружился бы с бешеным псом, чем с вами, – сказал я, растягивая губы в широкой улыбке.

Не знаю, застали ли его эти слова врасплох, поскольку на полупарализованном лице непросто было прочесть хоть что-то.

– Сапомню это, инкфисит'г'. Снайте, фы сл'шком фысоко

метите, – сказал он наконец.

Хотелось бы мне получать кошель золота за каждое обещание, что – мне припомнят мои прегрешения, что я пожалею о своем поведении или что дорого за все заплачу... Слабые люди слишком любят бросать обещания на ветер. Что, конечно же, не означает, будто ими стоит пренебрегать – ведь жажда мести и ненависть возбуждают некоторые умы. Даже сороконожка может убить воина, если найдет способ залезть тому в ухо.

– Уже в Штольпене вы грозились, что хорошо меня запомните. Я рад, что так крепко врезался в вашу память, – я нажал на слово «врезался», глядя на шрамы на его щеках.

– Фаша сутьпа путет столь стг'ашной, что таже не педставл'те! – бормотал он.

– Я уверен, что ваши угрозы будут преследовать меня, – при словах «преследовать» я взглянул на его ноги.

Заметил, что Сфорца истекает слюной, будто бешеный пес, и это меня позабавило. Он пытался что-то ответить, но лишь хватал ртом воздух и бессмысленно шевелил губами.

– Если вам понадобятся учителя дикции, не сочтите за труд – сообщите мне, – сказал я сердечным тоном. – Знаю такого, пред которым даже Демосфен устыдился бы своего произношения.

Потом вежливо кивнул ему и отошел к ожидавшим меня инквизиторам. Не слышал отчетливо слов, которые произнес Сфорца за моей спиной, но знал, что когда бы проклятия

были птицами, то унесли бы меня на крыльях в самое небо.

Змей и голубка. Возвращение

*И соделал уста мои как острый меч; тению
руки Своей покрывал меня, и соделал меня стрелую
изостренную; в колчане Своем хранил меня.
Книга пророка Исаии 49:2*

Они шли прямо на меня. С оглоблями, вилами и топорами. Вел их плечистый мужик с рыжей, нечесаной шапкой волос, одноглазый – на месте второго глаза был грязно-красный, припухший шрам. Я придержал коня на середине улицы, поскольку не намеревался уступать им дорогу. Ибо где это видано, чтобы инквизитор Его Преосвященства епископа Хез-хезрона отступал перед пьяной толпой?

– Стоять! – крикнул я. – Именем Святого Официума!

Меч мой висел у конского бока, однако я не стал за ним тянуться. Если бы мне повезло, сумел бы справиться с четырьмя или пятью противниками, но впереди стояло самое малое двадцать мужчин. Большинство были пьяны, но даже пьяному человеку удастся порой воткнуть другому вилы в брюхо или развалить голову размашистым ударом секиры. Поэтому не мечу охранять меня – но уважению к святой Церкви. Ибо Добрая Книга утешает нас, что *«не от множества войска бывает победа на войне, но с неба приходит сила»*⁹.

⁹ 1-я Мак. 3:19.

По крайней мере, они не смогут сделать этого безнаказанно. Они ведь, пусть и опьяненные, должны помнить старую поговорку: «Когда инквизитор гибнет, черные плащи пускаются в пляс».

Они остановились.

– Инквизитор? – прорычал рыжеволосый полувопросительно. – И что вы здесь делаете... господин? – добавил после паузы.

– Это я вас спрашиваю, что вы делаете, – сказал я твердо. – Как тебя звать, человек? – Я дернул узду, и конь подступил на несколько шагов к возглавлявшему толпу верзиле.

Тот хотел было спрятаться за спинами товарищей и отступил на три шага назад. Но и после этого остался впереди, поскольку товарищи его были сообразительными малыми – и тоже отступили. Я заметил, что несколько даже успели раствориться в темных закоулках.

Я усмехнулся, поскольку все шло именно так, как должно было идти.

– Гаспар, по прозвищу Морда, прошу прощения у вашей милости, – сказал одноглазый, на сей раз смиренно стянув шапку. Смял ее левой рукою, а правую, в которой держал топор, спрятал за спину.

– За кем гонитесь, Гаспар? – спросил я ласково. – И не может ли вам помочь инквизитор Его Преосвященства?

Тот сглотнул, дернув кадыком. Помощь инквизитора наверняка было последним, о чем он мечтал.

– Ни за кем, вот, прощения просим, ваша милость... – пробормотал, и нетрудно было понять, что врет.

Я глянул вправо, где в предвечернем свете открывалось горло узенькой улочки.

– Кто там?

Я подождал минутку, а когда понял, что ответа не получу, дернул поводьями.

– Ступайте домой, люди! – приказал громко.

Выждал, пока они подчинятся, и двинулся в сторону затемненного проулка.

Крыши домов склонялись над улицей низко, и было не разглядеть, что происходит на другом ее конце. Сама же она была пуста, ставни закрыты. Ехал я медленно, шагом, внимательно глядя во мрак. Что бы там ни скрывалось, оно разозлило и напугало тех людей, оттого и вашему нижайшему слуге стоило оставаться настороже. Но меча из ножен я так и не вынул. И внезапно услышал тоненький плач. Звук – отголосок наполненного отчаянием подвывания, в котором, однако, различались и отдельные слова.

– Нельзя, – шептал тот голос. – Нельзя, нельзя, нельзя...

Я увидел во мраке темную фигурку, скорчившуюся в узкой щели между стенами домов. Это была длинноволосая женщина в широком плаще. Сидела, согнувшись – будто стараясь занять как можно меньше места и слиться с окружением. Руками обнимала ноги, спрятав голову меж коленями. Черные растрепанные волосы спадали до земли, почти при-

крыв ее стопы. Я не мог разобрать черты лица, слышал лишь тихое, стонущее бормотание.

– Не убивать, нельзя убивать, – говорила с таким отчаянием, словно старалась кого-то убедить в справедливости своих слов.

Я осторожно спешил. Наверное, она только теперь меня услышала, потому что подняла голову.

– Уезжай, уезжай, уезжай! – захныкала.

Мои глаза уже привыкли к полутьме, поэтому я различил бледное лицо, на котором выделялись огромные черные глаза. Женщина была грязна, мой нос отчетливо ощутил смрад застарелых пота и крови.

– Не бойся, – сказал я ласково. – Не хочу причинить тебе вреда.

Заметил, что она вся трясется, но глаза ее внимательно следили за мной. Странно, я не увидел испуга. Кем была эта женщина, если пара десятков мужчин столь яростно ее преследовали? Какие преступления совершила? А может, вся вина ее состояла в том, что она безумна? Не раз и не два мне доводилось видеть, как в селах и местечках расправлялись с невинными идиотами, наивно полагая, что безумие их – суть дьявольский стигмат. Будто Сатана не мог найти куда более действенных орудий, нежели сельские дурачки. Будь все так на самом деле, мы, инквизиторы, были бы не нужны, а для поддержания Божьего мира хватило бы толпы простолюдинов с топорами и вилами.

– Я не хочу причинить тебе вреда, – повторил я тихо, но очень отчетливо. – Ты голодна? Хочешь пить?

– Голо-о-одна-а, – протянула она, все время пристально на меня глядя. – Да-а, голо-одна-а, о-очень голо-одна-а...

У меня в сумках были остатки хлеба, сыра и вина, поэтому я достал из торбы узелок и ополовиненную баклагу. Приблизился снова, присел, протянул все это женщине. Она быстро схватила еду: я и понять ничего не успел, а она уже держала еду в своих руках. Я заметил, что руки ее грязны, с обломанными ногтями. Вгрызлась в черствый хлеб, потом затолкала в рот едва ли не весь кусок сыра. Я подал ей баклагу с вином, а она снова вырвала ее столь же быстро: я не успел бы отдернуть руку, даже если б захотел.

Держи она в руке нож – ты был бы уже мертв, Мордимер, подумал я, и от мысли этой содрогнулся до глубины души, поскольку бездомная девица сумела застать врасплох инквизитора Его Преосвященства. А это недопустимо ни при каких условиях. Недаром Святое Писание предостерегало не взирать на лица, что, кроме прочего, означало еще и не верить кажимости.

Я медленно отступал, все время внимательно следя за женщиной, которая поглощала вино и еду с завидным аппетитом. Она как раз прикладывала к устам баклагу, и вино широким ручьем стекало по ее подбородку на плащ, лилось по судорожно стиснутым пальцам. Она интриговала меня все сильнее – вернее, интриговала меня удивительная быст-

рота ее движений, которую я отметил, когда девушка отби-
рала у меня еду. Была по-кошачьи, нечеловечески ловка.

Кто же она такая? Я не ощущал вокруг нее темной ауры,
но по опыту знал, что это совершенно ни о чем не свидетель-
ствует. Людей, отмеченных дьявольскими знаками, иной раз
заметить столь же легко, как факел в темной комнате. Но
столь же часто сатанинская сила позволяет им скрываться
даже от внимательного взгляда инквизитора. Конечно, лишь
до того момента, как инквизитор проведет соответствующие
ритуалы.

Она закончила есть и отбросила на землю пустой, опав-
ший мех. Усмехнулась, и тогда я с удивлением, смешанным
с испугом, увидел, что зубы ее не походят на зубы других
людей. Острые, сияющие белым, с клыками длиннее, чем у
нормального человека.

– Иисусе Христе, – шепнул я. – Змий и голубка.

Она поднялась с коленей так быстро, словно ловкость по-
заимствовала у охотящейся кошки.

– Змий и голубка, – крикнула с поразительной тоскою. –
Сотканные из света, сотканные из света!

Девушка прыгнула ко мне и если бы хотела напасть, я
не успел бы и рукой шевельнуть, чтобы защититься. Но она
лишь приникла ко мне всем телом, шепча:

– Змий и голубка! Да! Змий и голубка! Ты знаешь!

Я чуть обнял худые, трясущиеся от рыданий плечи, хотя
вонь, исходящая от ее тела, почти парализовала мое дыха-

ние. Курнос, мой товарищ во многих поездках, никогда не мог похвастаться сколько-нибудь сносным запахом. Так вот, девушка эта вполне могла бы оказаться его родной сестрой.

– Знаю, – прошептал я успокаивающе. – Знаю. Не бойся, я помогу тебе.

Меня и самого позабавили эти слова, поскольку именно я должен был ее бояться, а не наоборот. Правда, ваш нижайший слуга – человек, обученный владеть оружием и умеющий, с Божьей помощью, справляться с неожиданностями, но рядом с ней шансы мои были не больше, чем у мухи против паука.

К счастью, ничего не указывало, что она собирается на меня напасть. И хорошо: ведь мысль о том, что я могу закончить жизнь с разорванным горлом в грязном закоулке задохнутого городка, была мне не по нраву. Конечно, хорошей смерти не бывает – все они делятся на скверные и очень скверные. Но такая – была бы очень, очень скверной.

Чувство эдакой беспомощности было для меня новым и тревожным. Ну, может, и не совершенно новым, ведь некогда я уже испытал подобное рядом с человеком, который тоже был клеймен знаком змия и голубки. Тогда мне удалось уйти не только живым, но и вооруженным ценным знанием. И я надеялся, что теперь все закончится не хуже.

Однако мне следовало увериться, что девица – именно та, за кого я ее принимаю, а не обычная сумасшедшая, одаренная небывалой быстротой движений. Я знал, что порой

безумцы в приступе ярости могут выказывать небывалую силу. Не раз и не два я видел слабых с виду женщин и мужчин, которых даже несколько крепких мужиков не могли вырвать из пляски святого Витта.

– Не покажешь ли мне знак? – спросил я так ласково, как только сумел. – Могу ли я его увидеть?

Некоторое время она тяжело дышала в моих объятиях, потом отступила на полшага.

– Да, – ответила. – Увидишь знак. Хорошо. Поверишь, верно?

В последних словах зазвучало такое смирение, что я невольно протянул руку, чтобы погладить ее нечесанные космы. Она же, не отодвигаясь более, скинула с правого плеча плащ и дернула темную от грязи льняную рубаху. Обнажила руку. Там, на худом плече, виднелся отчетливый рисунок: змий и парящая над ним голубка. Рисунок один в один как тот, о котором вспоминал барон Хаустоффер, говоря о нем как о своем родовом гербе.

– Спасибо, – я помог ей снова закутаться в плащ.

– Ты же теперь скажешь мне, верно? – Она глядела на меня горящим взором. – Скажешь, что мне делать? Да? Скажешь?

– Ты должна отдохнуть, – сказал я медленно и отчетливо, чтобы до нее дошел смысл моих слов. – Я проведу тебя в безопасное место. Тебе нужно выспаться, умыться, что-нибудь съесть... Те люди... они могут вернуться...

– Да-да-да. – Она снова вжалась в меня всем телом. – Не следует убивать! Мне не следует убивать!

И именно тогда, услышав эти слова, я почувствовал, как ледяная волна бежит у меня от затылка до копчика. Эта женщина не просила, чтобы не убивали ее! Она убеждала сама себя, что не должна обижать ни одно живое существо. Двадцать вооруженных мужчин... Да-да, милые мои, я был уверен – как это ни забавно, – что она и вправду могла с ними справиться без особого усилия.

В несчастный сей городок, где мне выпало счастье иль несчастье встретить девушку с вытатуированным знаком змия и голубицы, я попал не случайно. Здесь обитал мой старый приятель, с которым у меня были кое-какие счеты. И пусть не прозвучит так, будто я приехал сюда убить или наказать этого человека. О нет, я хотел всего лишь напомнить ему о долге, который тот не уплатил, покидая меня без предупреждения и объяснений. А поскольку я имею честь – или, если хотите, слабость – быть человеком скрупулезным, то решил отыскать своего знакомца и напомнить о старых долгах. Я не был столь наивен, чтобы полагать, будто он примет меня с распростертыми объятиями, и тем не менее думал, что он сделает все, дабы утишить мой гнев. Скажу, кстати, что я не ощущал никакой злости или тем паче ярости – всего лишь смущение от того, что я так легко догадался, где его искать. Что означало одно: некогда я ошибочно оценил его как человека опытного и знающего жизнь.

Я глянул на небо и увидел, как в темных тучах гаснут последние лучи заходящего солнца. Надеялся, что ватага под предводительством Гаспара Морды уже нашла себе в ближайшей корчме иной объект внимания – например, кружку пива, жбан водки или сисястую девку. Наверняка всем будет лучше, если они не встретятся на нашем пути, ибо удивительные моральные принципы вампирицы могли рухнуть под напором гнева или отчаяния. Я же наверняка не был человеком, который захотел бы ее сдерживать. И это не принимая во внимание, что с тем же успехом я мог пытаться сдерживать лавину или пожар.

– Как тебя зовут? – спросил я ее. – Меня – Мордимер Маддердин.

Она смотрела на меня, и казалось, что по мере того, как густеет мрак, глаза ее становятся все больше и блестят все сильнее.

– Морди-мер Мад... – она заколебалась.

– Маддердин, – повторил я.

– Маддердин, – повторила она, с явным акцентом. – Красиво, Мордимер, красиво, – всплеснула ладонями и рассмеялась, я же снова увидел ее острые, словно иглы, сверкающие белые клыки.

– А ты? Как мне обращаться к тебе?

– Я? – спросила она несколько беспомощно, и я видел, что пытается вспомнить свое имя. Пожала плечами: – Не знаю, Мордимер... – снова улыбнулась, словно повторять мое имя

было ей невыносимо приятно.

– Ну что ж, оставим это на потом, – сказал я ласково. – Хочешь ли пойти со мной?

– Да! – почти крикнула она. – Пойти с тобой! Только с тобой! Ты знаешь! Все мне расскажешь, правда, Мордимер? Научишь меня, правда? Правда?

– Правда, – ответил я, сглотнув. Подумал, не окажется ли она разочарована тем фактом, что я и сам ищу ответы и до сих пор мало что могу ей рассказать.

И трудно было не задуматься о том, какую форму могло обрести ее разочарование...

Мой конь был животным спокойным и вышколенным. В конце концов, он был родом из конюшен хезского Инквизиториума, а там скакунов учить умеют. Прежде всего они должны оставаться спокойными. Ибо инквизитор, который пытается совладать с брыкающимся скакуном, что испугался громкого крика или перебегающего дорогу зайца, стал бы зрелищем одновременно смешным и достойным сожаления. Мы же, инквизиторы, не из тех, кто любит, когда общество над ними потешается.

Но вместе с тем конь инквизитора должен обладать и толикой агрессивности. Скажу так: даже самые отважные люди быстро впадают в панику, когда над ними нависают тяжелые конские копыта или когда цапнули их за руку конские зубы. Не забавно ли, что Господь, сотворяя спокойного поедателя сена и травы, одновременно наделил его немалой силой че-

люстей?

Конечно, коням из конюшен Инквизиториума не сравниться с боевыми лошадьми наших рыцарей – теми лошадьми, которых жеребятами еще приучают к бою, военному шуму и крикам. Но все же, полагаю, даже боевой скакун богатого рыцаря запаниковал бы ровно так же, как и мой конек, едва почуяв запах вампирицы. Мой же – ржал, вырывался, старался оказаться как можно дальше от нее, а в глазах его я видел слепой страх.

Что ж, его инстинкт самосохранения был куда сильнее, чем у Гаспара Морды со товарищи. Полагаю, он чувствовал в ней сверхъестественное существо, и это отвергалось его здоровым конским рассудком и опрокидывало вверх ногами стабильную систему лошадиных ценностей...

– Они меня боятся, – призналась девушка с печалью в голосе. – Почему они меня боятся? Я никогда не причиняла им зла... И я так люблю зверей...

Эти слова мне понравились, поскольку я, скажем мягко, не слишком люблю людей, обижающих наших братьев меньших. Некогда я убил мужчину, что издевался над конем, и хотя сия юношеская запальчивость давно во мне угасла, однако человек, обижающий животных в моем присутствии, должен усовеститься. Усовеститься для него было бы достаточно, поскольку к раскаянию я привел бы его сам и сам назначил бы соответствующее покаяние.

Наконец мне удалось совладать с ситуацией. Правой ру-

кой я крепко держал повод, а слева от меня шла вампирица. Понятно, не было и речи о том, чтобы ехать верхом, ибо я знал, что, посадив девушку в седло, лишь вызову у животного приступ паники. Я надеялся, что не повстречаю Гаспара Морду или его товарищей, и полагал, что хорошо бы как можно быстрее добраться до дома старого моего приятеля – укрыть вампирицу там. Не раскрывая, конечно, ее истинного происхождения и необычных способностей.

Я совершенно не желал делать достоянием публики тайны, что так неожиданно стали доступны мне благодаря рассказу барона Хаустоффера – вампира, который, согласно всем человеческим и божеским законам, не имел права существовать (а в реальность подобных ему не верили даже Ангелы). Однако он жил – и притом чувствовал себя прекрасно. И, как видно, существовали ему подобные – люди, отмеченные символом змия и голубки. Бессмертные, но смертельно опасные.

Вероятно, человек более рассудительный и предусмотрительный, воспользовался бы помощью Официума, а может, даже известил бы обо всем Внутренний Круг Инквизиториума. Но я, увы, в этом случае не был ни рассудительным, ни предусмотрительным, а потому решил разобраться с проблемой самостоятельно. Хотя и понимал, что играю с огнем.

Ну что ж, мы, инквизиторы, к играм с огнем так ли, иначе ли – привычны...

Как можете догадаться, милые мои, старый мой приятель не был рад неожиданному визиту. Однако старался сохранять хорошую мину при плохой игре. И если бы не гримаса испуга, которую, ступив на порог, я заметил у него на лице, я решил бы, что он сердечно мне рад.

– Что, Козоёб, слуг у тебя нет, если уж открываешь сам?

Он даже не скривился, когда я назвал его старым прозвищем – лишь усмехнулся чуть шире.

– Я дал им нынче выходной, – сказал. – Входи, Мордимер. Гость в дом – Бог в дом.

То, что он один, было хорошо: мне не хотелось, чтобы начали болтать о странной девушке, которая прибыла вместе с инквизитором.

Козоёб раскрыл глаза чуть шире, когда вампирица вышла из-за моей спины. Втянул воздух и скривился. Некогда это тоже нас сдружило: тонкое обоняние и некое чувство прекрасного.

– И откуда ты ее вытащил? – пробормотал он. – Мать Божья Безжалостная, какая ж она грязная!

– Значит, ее следует выкупать, – согласился я и отодвинул его с дороги, чтобы мы могли войти. – Раз уж слуг нет, не приготовишь ли купель? Сам ведь говоришь – выкупаться ей не помешает...

Девушка стояла в прихожей, забившись в угол, который показался ей самым темным. Я ласково взял ее за руку.

– Не бойся, – сказал, и слова эти снова позабавили меня, поскольку, когда б она хотела нас убить, проделала бы это столь же легко, как кошка душит мышку.

Козоёб управился прекрасно. Приготовил лохань, полную горячей воды, щелочь, щетку с деревянной ручкой, полотенца и два деревянных ведра с теплой водой для ополаскивания. И справился со всем этим удивительно быстро.

– Искупайся, – указал я девушке на лохань и шагнул к двери. Девушка оказалась подле меня столь быстро, что я не успел даже моргнуть.

– Не уходи, – вцепилась мне в руку. – Не оставляй меня одну!

Мой старый приятель глядел на это представление широко распахнутыми глазами.

– Вот же... – начал, но я заставил его умолкнуть, подняв руку.

– Готовь ужин, Козоёб, – приказал спокойно. – Я здесь присмотрю.

Он кивнул и вышел спиной вперед, прикрыв за собой дверь.

– Дамы не должны купаться в присутствии мужчин, – сказал я, пытаясь придать своему голосу шутливый тон. – Но если ты так хочешь... Давай, – я снова указал ей на горячую воду.

Она приблизилась к лохани и подняла ногу.

– Нет-нет-нет, – сказал я быстро. – Сначала ты должна раздеться, милая. Потом получишь новую чистую одежду, а старую – мы выбросим.

– Ах да... – усмехнулась она. Я видел, что она пытается вспомнить что-то из прошлого. – Купель... Не в обуви... Без одежды... Верно. Забыла...

Я оперся о стену и смотрел, как она неловкими движениями снимает плащ, рубаху. Была женщиной, однако нагота ее вызывала во мне не больше желания, чем нагота домашнего зверька. Скорее – сочувствие, поскольку она оказалась столь худа, что легко могла бы соперничать с узниками императорских подземелий. Ноги ее, казалось, были совершенно без икр и бедер и напоминали тоненькие палочки, ребра почти протыкали темную от грязи кожу – и я мог без труда их пересчитать. Она напоминала скелет, обтянутый темно-серым пергаментом. Не было и груди, только два соска, крохотные, будто припухлости от комариного укуса.

Она осторожно погрузилась в воду; сперва зашипела, поскольку, как видно, не только отвыкла от горячей купели, но и едва помнила, какова она – горячая купель. Потом уселась в лохани: сперва напряженная, явно испуганная, потом – поудобней, вытянув ноги.

– Ох, – вздохнула, и во вздохе этом, может, еще не было радости, но уже чувствовалась изрядная доля облегчения. – Тепло, – сказала она, прикрывая глаза. – Тепло, – добавила

почти мечтательно.

Знак змия и голубки на ее плече, казалось, сделался четче и словно пульсировал.

– Что дальше? – приподняла она веки, взглянув на меня. – Что я должна делать?

Я хотел подать ей щетку, но отказался от этой мысли. Не знал, как ее кожа воспримет жесткий волос. Поэтому взял меньшее из полотенец, приготовленных Козоёбом, сложил несколько раз и смочил водой.

– Вымойся, – подал ей полотенце. – И что-то нужно бы сделать с твоими волосами.

Они были невероятно грязны, со свалывшимися колтунами, но когда я провел по ним рукою, понял, что вшей на них нет. Удивительно. Может, вши не любят кровь таких существ, как она?

– Я не сумею помыть и расчесать твои волосы. Позволишь мне остричь их? – спросил я ласково.

Она пожала плечами.

– Ты лучше знаешь, – в голосе ее снова прозвучала беспомощность.

– Но придется их обрезать очень коротко, – добавил я, она же – лишь вздохнула.

Я вышел из комнатки и пошел к Козоёбу. Во-первых, за ножницами, во-вторых – за одеждой, которую девушка могла бы надеть, когда выйдет из купели. И одно, и второе он дал мне без слов, но когда я шел назад, задержал меня на

минутку.

– Я отдам тебе все, что должен, и доложу еще двадцать к сотне, только забери ее, Мордимер. Забери ее отсюда как можно скорее.

Я некоторое время смотрел на него.

– У тебя хватало всяких изъяснов, но ты никогда и ничего не боялся, Козоёб, – сказал я с иронией.

– Люди меняются, – пробормотал он. Схватил меня за руку и заглянул в глаза. Стоял так близко, что я ощущал на своем лице его дыхание. – Она ведь не человек, и ты об этом знаешь, верно?

Я освободился от его хватки. Решительно, поскольку не терпел, когда ко мне прикасаются – за исключением разве что прекрасных женщин. Да и то – не всегда.

– А кто тогда, по-твоему? – покачал я головой с сожалением. – Демон? – я похлопал его по щеке. – Успокойся...

– Не знаю... – Я видел на его лице страх, и это меня обеспокоило, поскольку испуганные люди могут совершить нечто, расходящееся со здравым смыслом. А это обычно означает хлопоты для них самих и всех, кто окажется в их обществе.

– Послушай меня внимательно, – начал я. – Девушка – родственница одного аристократа. Потерялась много, много лет назад и не помнит почти ничего из своего прошлого, а то, что она – именно та, кто мне нужен, я узнал лишь по знаку, по татуировке на ее плече. Мы оба понимаем, что она не

в себе, но мой наниматель обещал за нее большую награду. Действительно большую. И если ты мне поможешь, то я позабуду не только о процентах, но и о том, что ты меня оскорбил. Понимаешь?

– Не знаю, зачем я это сделал, – отозвался он миг спустя. – Не знаю, зачем я тебя тогда обманул. Все эти годы, каждый день... – он нервно повел плечами. – Оно того не стоило, – добавил.

– Наверняка не стоило, – согласился я, глядя ему в глаза. Он поспешно отвел взгляд. – Но теперь – забудь об этом. Помоги мне, и я исчезну из твоей жизни навсегда.

– Ладно, – вздохнул он. Тряхнул головой, словно был лошадю, отгоняющей надоедливых мух. – Поспешите, скоро ужин.

Но не ушел, задержался на пороге.

– Мордимер? Ты поклянешься...

– Лжесвидетель хочет верить клятве? – оборвал я его. – Разве святой Павел не сказал: *«Посему, отвергнувши ложь, говорите истину каждому ближнему своему»*¹⁰.

– У меня новая жизнь, – сказал он плаксиво, не глядя мне в глаза. – У меня женщина, у нас будет ребенок...

– Я растроган! – широко развел я руками. – Бог мой, как ты меня растрогал, Козоёб! Так сильно, что я изменил свои планы! Вот что я решил: если не поможешь мне, я не стану причинять тебе боль, пока не позволю увидеть, как умирает

¹⁰ Ефес. 4:25.

твоя женщина. И пока не позволю услышать, как она горячо молит меня о жизни.

Я шагнул к нему, ухватил за воротник.

– Будь умненьким – и ничего ни с кем не произойдет, – прошипел ему. – Я хочу отсюда выбраться, как только представится возможность. Помоги мне – и дождешься рождения наследника. Помешай – и увидишь, как я вырезаю плод из твоей женщины. Ты все понял?

Конечно, я не сделал бы ничего подобного. Говорите о Мордимере Маддердине, инквизиторе Его Преосвященства и вашем покорном слуге, что пожелаете, однако никогда не обидел бы я женщины в доброй надежде. Ибо женщина, что носит плод, пребывает под защитой Господа. И сколь бы отвратительным существом я стал, когда б этого не уважил?

К счастью, Козоёб ничего не знал о моих убеждениях и поэтому побледнел.

– Молю, – простонал.

– Ты не моли, а просто будь умненьким, – ответил я.

Возвратился в комнату. Вампирица все еще плескалась в воде, и, казалось, купание ей и вправду приятно.

– Я принес ножницы, – я поднял инструмент к свету, поскольку не хотел, чтобы она подумала, будто я что-то скрываю.

– Нож-ни-цы, – повторила она, словно вспоминая значение этого слова.

– Чтобы обрезать твои волосы, – пояснил я. – Могу?

Она смотрела на меня жалостливо. Я приблизился.

– Отрастут, – пообещал. – И наверняка будут прекрасны.

Только ты должна их расчесывать.

Потом я принялся за работу. Темные колтуны падали на пол, я же старался случайно ее не ранить, что было непросто, поскольку волосы приходилось обрезать у самой кожи.

Когда я закончил, отступил на шаг, чтобы оценить проделанную работу. Вампирица теперь выглядела еще жалостливей, чем ранее. Когда я избавил ее от волос, голова ее сделалась еще более похожей на череп, обтянутый тоненькой кожей, а шея казалась настолько хрупкой, будто переломить ее можно одним движением пальцев.

И лишь большие темные глаза пылали на изможденном лице. Да, похоже, в этом существе оставалась лишь одна красивая черта: необычайно прекрасные глаза.

* * *

Меня ожидал визит к барону Хаустофферу, и я знал, что к этому визиту нужно как следует подготовиться. Может, я и казался слишком осторожным, но Мордимер Маддердин не прожил бы столько лет в этом не лучшем из миров, если б грешил беспечностью – что в мыслях, что в поступках. Конечно, порой я сталкивался с проблемами куда более серьезными, чем ожидал, но когда я знал, что проблемы – грядут, предпочитал подстраховать себя любым из возможных

способов. А ведь Хаустоффер был исключительно опасным существом. В последний свой визит в его замок я лишь чудом избегнул смерти, хотя истины ради стоит признать, что замок я покинул с кошельком, наполненным золотыми дублонами, и с поручением на будущее.

Хаустоффер рассказывал, что некогда он жил в Палестине и видел Господа нашего Иисуса Христа, восходящего на Голгофу с крестом на израненных плечах. Барон был там, попивая вино, потом глазел на казнь, пока не уснул, разморенный алкоголем и жарой. Он не видел, как Иисус сошел с креста и покарал римских легионеров, не видел, как Господь вместе с апостолами и верными людьми направлялся к Иерусалиму, чтобы омыть в крови неверный город. И лишь когда барон сам вошел в Иерусалим, он испытал ту удивительную и пугающую красную жажду, которая с тех пор и до сегодняшнего дня гонит его вперед. Именно там он понял, что уже не тот, кем был прежде. Получил нечеловеческую силу и быстроту, не старел, мог властвовать над человеческим сознанием, раны, наносимые ему железом, сразу затягивались. А на плече своем он увидел вытатуированный знак змея и голубки. С того времени он жил, не зная – проклятие или благословение то, что с ним случилось. А может, это всего-то лишённая смысла и значения ошибка? Дело ли это Господа или Сатаны?

Теперь я надеялся, что сумею хотя бы частично найти ответы на вопросы, которые его мучили. Конечно, если смогу

расспросить девушку, которая теперь находилась под моей опекой, – и если получу от нее хоть сколько-нибудь разумные ответы; а это, имея в виду ее нынешнее состояние, могло оказаться не таким уж простым делом.

Верил ли я в историю барона? Сперва – нет, поскольку инквизиторы считали сказки о вампирах чепухой навряд ли более разумной, чем рассказы об оборотнях. Но когда я получил возможность увидеть, насколько проворен Хаустоффер, когда ощутил его парализующий взгляд, когда почувствовал бритвенную остроту его зубов – тогда я лишился сомнений. Может, он и лгал, рассказывая о своем прошлом, однако наверняка был не простым человеком – но существом, обладающим некими сверхъестественными способностями. Я знал, что должен держаться как можно дальше от его замка. Но нерешенная загадка ныла занозой в ноге. И теперь, когда раскрытие тайны казалось близким, я не мог отступить. Дело было не в награде от Хаустоффера (хотя тот и сулил мне многое): я всего лишь надеялся, что темная сия история будет озарена светом истины. Ведь однажды мне пришлось уже объяснять барону, что я – человек, для которого важно знание, и что не имеет значения, куда это знание меня приведет.

Из собственного же опыта я знал, что порой оно знание уводит дальше, чем хотелось бы.

В связи с планами, которые я строил, следовало воспользоваться помощью Козоёба. Я тщательно объяснил ему, кто из ремесленников мне нужен и какую должен выполнить ра-

боту. Даже набросал на клочке бумаги чертеж.

– Обойдётся недешево, – заметил он, не спрашивая, зачем мне эти мелочи. И хорошо, что не спрашивал, ведь я бы ему не ответил.

– Как только отдашь мне долг – стану богатым человеком, – ответил я ему.

Он молчал некоторое время и только потирал запястье левой руки пальцами правой.

– Ты ведь знаешь, что у меня нет такой суммы наличными. Тебе придется подождать несколько дней...

– Разве я умолял тебя как можно быстрее покинуть этот дом, а? Я готов ждать столько, сколько сочтешь необходимым. Я смогу познакомиться с твоей женой? Когда она возвращается?

Он опустил глаза.

– На следующей неделе, – сказал тихо. – К тому времени я все устрою. Клянусь.

– Только скажи мастеру, что порода должна быть чистой. Если смешает ее с медью или другим дешевым металлом, собственноручно спусти с него шкуру. Ты ведь еще умеешь быть убедительным, Козоёб?

– Умею, – ответил он твердо. – Будешь доволен.

– Не сомневаюсь, – кивнул я ему. – Скажи-ка еще вот что. Ты слышал, чтобы где-то в окрестностях обитал по-настоящему набожный монах или отшельник? Человек, пользующийся повсеместным уважением, известный своими свято-

любивыми поступками, может, даже чудесами, санкционированными Церковью?

– Святой при жизни, да? – усмехнулся Козоёб.

– Именно.

Некоторое время он размышлял, потирая лоб.

– Расспрошу, – пообещал. – Что-то мне, кажется, говорили: какой-то пустынный или вроде того...

– Очень хорошо, – сказал я.

– Инквизитор ищет благословения святого? – Я услышал в его голосе нечто схожее с насмешкой, но когда взглянул ему прямо в глаза, усмешка сбежала с его губ. – Расспрошу, – повторил он тихо и вышел из комнаты.

* * *

До имения барона Хаустоффера путь был неблизкий. Как минимум две недели дороги, да и то – если не произойдет ничего непредвиденного. Понятное дело, две недели верхом, и передо мной встала непростая проблема: как заставить моего скакуна принять в седло существо, которое пробуждало в нем панический ужас? Но выбора не было: я просто не представлял, как преодолел бы этот путь пешком. Мог, правда, нанять телегу, но, учитывая, что в последнее время шли дожди, я знал, что дорога наверняка превратилась в болото. А значит, на телеге пришлось бы ехать куда дольше, чем идти пешком. Кроме того, верхом мы сможем держаться подальше

ше от многолюдных трактов, а я не хотел слишком многим – и слишком часто – показывать мою спутницу. Поэтому мне не оставалось ничего, как приучать коня к вампирице, и я надеялся, что для этого хватит тех нескольких дней, которые мы проведем в гостях у Козоёба.

Я проснулся среди ночи, взглянул на кровать. Тихо выругался.

Вампирицы не было.

Я горжусь своим чутким сном и еще не встречал человека, который сумел бы приблизиться ко мне на расстояние удара. А здесь – я специально лег на пороге, в дверях, чтобы девушка не смогла выйти незаметно. Увы, дверь открывалась наружу, поэтому девушка просто переступила через меня, пока я спал. Но я не услышал ни шороха, а моя интуиция и моя чуткость спали мертвым сном вместе со мной.

Я снова выругался и отправился на поиски.

В каморке было темно, и хоть я ничего не видел, но ощутил тошнотворный запах крови. Беззвучно вынул кинжал, но не успел ничего сделать, как почувствовал: некто аккуратно, но сильно берет меня за запястье.

– Не нужно, – услышал я шепот. – Это я...

– Что ты здесь делаешь, во имя гнева Господня? – я вложил кинжал в ножны.

Отступил и внес из прихожей слабенькую лампадку.

Первое, что я увидел, – губы и подбородок вампирицы, измазанные кровью. Сразу подумал, что она убила Козоёба, а

значит, мне придется куда-то девать тело и потом незаметно выбираться из городка.

Я вздохнул. Девушка, не обращая внимания на мое присутствие, облизала пальцы.

– Хочешь? – показала на погруженный во тьму угол каморки.

– Спасибо, моя дорогая, но я не голоден, – ответил я вежливо.

Сделал три шага, держа лампадку в вытянутой руке. И вздохнул с облегчением. На полу лежал не Козоёб, но всего лишь белый песик с волнистой свалявшейся шерстью. С мертвыми глазами и разорванным горлом. И я надеялся, что хозяин как-то да смирится со смертью собаки, приняв во внимание, что он мог и сам оказаться на месте пса.

– Я была очень быстрой, – пояснила она со вздохом. – Он не страдал.

– Доедай, и пойдем со мною, – попросил я.

Она присела над трупиком и впилась в него зубами. Я услышал громкое чавканье и сосание: звук такой, словно кто-то раздавил на полу апельсин и теперь пытался выпить его сок.

Наконец она закончила и встала, улыбаясь. Острые зубы блестели красным.

– Ням-ням, – сказала она.

Я знал: мне придется вернуться сюда, чтобы убрать останки; я не хотел еще сильнее напугать хозяина, что, несомнен-

но, случилось бы, найди он разорванного пса. Я знал также, что мне придется внимательней следить за вампирицей, поскольку та более напоминала дикого зверя, чем человека, и не было никаких гарантий, что она снова не выберется на охоту, едва только проголодается. Правда, как я понял из ее слов, девушка старалась не охотиться на людей, но мне не хотелось, чтобы кто-то увидел, как она выслеживает собак, котов или крыс. Кроме того, я не мог дать гарантий, что однажды голод к человеческой крови не окажется слишком силен.

Утешало одно: объектом ее желаний явно буду не я, поскольку, кажется, она некоторым образом ко мне привязана. А значит, если ей потребуется свежая кровь, эту кровь придется для нее достать.

Что ж, в конце концов, в этой местности находилась не одна лавка мясника.

* * *

Ремесленник, нанятый Козоёбом, справился на удивление хорошо. Сделанные им предметы я вложил во вьюки, поскольку пока они не были мне нужны. Я узнал также, где обитает святолюбивый отшельник, и оказалось, что нам, дабы попасть в его скит, понадобится лишний день дороги. Пока все складывалось по-моему.

– Прощай, Козоёб.

– Прощай, – ответил он, и в голосе его я слышал отчетливое облегчение. – Ты...

– Да, я доволен, – сказал я.

– А значит, мы...

– Больше не встретимся, – закончил я за него. – Только держи язык за зубами и не заставляй меня когда-нибудь появляться снова, чтобы показать твоей женщине и твоему ребенку несколько интересных штучек.

– Тебе не нужно мне угрожать, – отозвался он шепотом.

– Не нужно, – согласился я.

Мой Бог, и куда подевался тот Козоёб, который по пьяному делу вызывал на площадку для поединков имперских солдат и для которого убить человека было как плюнуть?! Насколько же семья и цепи любви ослабляют волю и тело человека! Насколько же делают податливым для любой угрозы, пугливым и беспомощным... Я мог лишь радоваться, что со мной-то подобное несчастье никогда не случится.

Я был уверен, что он меня не предаст. Во-первых, а что он мог сказать? Донести, что инквизитор Его Преосвященства появился у него с худой и вонючей женщиной, требуя постоя? Местные инквизиторы наверняка лишь посокрушались бы о вкусе Мордимера Маддердина. Конечно, он мог поделиться своими подозрениями насчет того, что женщина эта не была человеком. Но такое обвинение нужно было доказывать, особенно если выдвигалось оно против инквизитора. Во-вторых, Козоёб знал, что я не бросаю слов на ветер

и не прощу ему повторного предательства. Оттого я полагал, что он попросту обо всем забудет. Кто знает, быть может, забудет настолько удачно, что через год-другой даже перед самим собой не признается, что видел старого товарища?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.